

II P Z O GI

„ПЕРЕЗВОНЫ“ 22 ноября № 3

Рига, Редакция и контора L. Kaleju ielā 43
Телеф. 20-76 и 34-48

Цена отдѣльн. номера 60 сант. (30 руб.)
Заграницей 14 амер. цент.

Содержаніе:

К. Д. Бальмонтъ — „Тишь“.
Ольга Далматова — „Снятся мнѣ...“
И. С. Шмелевъ — „Пѣсня“.
Н. А. Тэффи — „Маргита“.
А. Ремизовъ — „Рождь“.
Проф. Н. И. Мишеевъ — Акад. М. В. Нестеровъ.
Дѣтскій уголокъ. По бѣлу свѣту. Русская книга.
Искусство. Въ иллюстраціяхъ картины М. В. Нестерова
въ трехъ краскахъ — „Двѣ сестры“ и „Видѣніе
Св. Зосимы Соловецкаго“.

Отъ редакціи. Въ № 2 „Перезвоны“ вкралась досадная опечатка. Стихотвореніе К. Д. Бальмонта на стр. 46 названо „Гусли“ вмѣсто „Отъ птицы до птицы“.

Сотрудники:

М. А. Алдамовъ, К. Д. Бальмонтъ, И. А. Бушинъ,
Ю. Галичъ, О. Далматова, А. Даманская, Донъ-
Амико, Бор. Зайцевъ (ред. литер. отдѣла), А. И.
Куприянъ, Вл. Лодыженскій, Ив. Лукашъ, Р. Миц-
ловъ, проф. Н. И. Мишеевъ, А. М. Ремизовъ,
Н. А. Тэффи, А. Черный, Евг. Н. Чириковъ,
Марина Цвѣтасва, И. Шмелевъ, Сем. Юшкевичъ.
Художники: акад. Н. П. Богдановъ - Бѣльскій,
акад. С. А. Виноградовъ, Ю. Г. Рыковский и др.
Обложка — работы М. Добужинскаго.

Единственнымъ Представителемъ журнала

„Перезвоны“

во Франціи и колоніяхъ

является контрагентство

Librairie Hachette

(Messageries de journaux)

III, rue Réaumur III, Paris 2^e

Adresse Télégraphique: MESSACHE, PARIS.

Вновь открытый книжный магазинъ

ЛИТЕРАТУРА

Бл. Королевская ул. № 3, уголъ Извест-
ковой, рядомъ съ „Улей“. Тел. 23-30.
Предлагаетъ въ большомъ выборѣ
книги научнаго и беллетристическаго
содержанія, также **УЧЕБНИКИ**
и писчебумажныя принадлежности.

При магазинѣ **БИБЛИОТЕКА**
на русскомъ и французск. языкахъ.

Безусловно
И внѣ сомнѣній, въ
БИ-БА-БО
Аппетитны
Бульонъ, чай и
Особенно кофе.

БИ-БА-БО, влад. Э. ФРЕЙМАНЪ,
Бульв. Свободы 2/4, тел. 81-78, до 2 ч. ночи.

Прочная

Дешевая

Обувь

для мужчинъ - дамъ - дѣтей

Фабричные склады:

Рига: { Гертрудинская ул. 14
Сарайная ул. 3
ул. Свободы 64/66

Либава: Зерновая ул. 33
Виндава: Замковая ул. 24
Двинскъ: Рижская ул. 9

Единственный въ Ригѣ
театр **RADIO** Cafe

бульв. Свободы № 24

Сегодня и ежедневно
на сценѣ и въ публикѣ обширная и разнообраз.
программа

въ 2 больш. отд. Начало прогр. въ 9¹/₂ час. веч.

Оригинальная новизна. Танцовщицы Радио-балета, тан-
цуютъ въ публикѣ модн. танцы, приглашаютъ кавалеровъ.

Radio-концерты съ 7 час. вечера.

ЦИНКОГРАФІЯ
„Траффика“

Тел. 56-93. Мл. Сборная 1.

Изготовление всякаго рода клише.
Быстро, аккуратно и художественно.

P. S. При заказах просимъ обращаться
за смѣтами.

Садоводство

Теплица Оранжерея.

„ВАРИНО“

И. Добровольскаго въ Ригѣ.

Jelgavas šosejā 78. Тел. 58-19.

Богатый выборъ различныхъ сортовъ хорошихъ, крѣпкихъ,
плодовыхъ деревьевъ, кустовъ, розъ, цвѣтовъ, луко-
вицъ, гiацинтовъ, тюльпановъ, нарцисовъ и геліотроповъ.

*Здѣсь можно также получить
лучшія смѣха овощей.*

Сообщение трамваемъ № 7 и автобусомъ Торенсбергъ — бул. Свободы
— линія Почты. Остановка автобусовъ у садоводства.

Дамскій
и мужской парикмахерскій залъ

Г. СИМСОНЪ

Рига, Мельничная ул. № 37.

Прическа, мытье головы, окраска волосъ

== Умѣренныя цѣны ==

Пріемъ заказовъ на всякія волосьяныя работы

Маникюръ

Всѣ твердятъ наперебой:
Хорошо печеть Алой!

Спеціальная фабрика
баранокъ

Бол. Московская ул. 14-16, тел. 83-06.

„ГУТЕНБЕРГЪ“

существуетъ съ 1898 г.

Рига, Маринская ул. 10. Тел. 32-96

СЛОВОЛИТНЯ
ЦИНКОГРАФІЯ
ГАЛЬВАНОПЛАСТИКА
ЗАВЕДЕНІЕ ДЛЯ ОТЛИВКИ ВАЛИКОВЪ

== Представительство лучшихъ германскихъ словолитень ==

Большой выборъ новѣйшихъ титульныхъ и книжныхъ шрифтовъ,
:: мѣдныхъ линеекъ, типографскаго матеріала и украшеній ::

Кино-варьетэ „МАРИИЭ“ Премьера
съ 16-го ноября с. г.
„Женщина — вѣчный сфинксъ“

Драма въ 8 частяхъ. Въ глав. роляхъ ФРАНСЪ ДЕЛІА и КОНСТАНЪ РЕМИ. Французская постановка.

На сценѣ „ЦИРКЪ“ Гала представленіе въ 6 картинахъ съ прологомъ и эпилогомъ. Сочиненіе и пост. ИВ. РУДЕНКОВА.

Балетное пост. ЭД. ПЛЕВИЦКАГО при участіи цима-балерины О НИКОЛАЕВОЙ.
Участвуютъ Е. ПЛАНСОНЪ, А. ВОЛКОВЪ и весь кордебалетъ.

Отвѣтственные режиссеры И. Руденковъ и Е. Плевцкій. Дирекція Ф. Кару.

ШУРВОЗРЫШЫ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
№ 20 1925 3

К. БАЛЬМОНТЪ.

ТИШЬ.

Выпаль, и принять, и полностью выполнень жребій.
Тихо въ душѣ. Тишина въ землѣ и на небѣ.

День отшумѣль, и умчался табунъ длинногривыхъ.
Гдѣ они, кони? Беззвучье въ лугахъ и на нивахъ.

Было-ли много веселія, было-ли мало,
Пѣсни умолкли. Село надъ рѣкой задремало.

Было-ли мало томленія, было ли много,
Воды рѣки — позабывшая путь свой дорога.

Въ вышнемъ сапфирѣ свѣтильники-гроздья повисли.
Темныя лодки на водахъ — забытыя мысли.

Вѣтеръ предъ ночью растаялъ въ лѣсу по вершинамъ.
Тонкою зыбью остался въ листочкѣ единомъ.

Только въ мгновеніи, въ плескѣ разсыпчатомъ, гибко,
Вынырнетъ-юркѣ-унырнетъ серебристая рыбка.

Только дергачъ безъистомный въ желаніи жгучемъ,
Тишь отгнѣяетъ въ пробѣгѣ напѣвомъ тягучимъ.

Словно умножась, и здѣсь онъ, и тамъ, и повсюду.
Къ Ночи кричить: „Не забуду и голосомъ буду“.

Ночь безглагольна. Все глубже, и глуше, и тише.
Млечнымъ путемъ заливаетъ сапфиръ свой все выше.

Смотрить-ли небо на землю и видеть-ли глазомъ?
Мысли оттуда проносятся быстрымъ алмазомъ.

Если ты мыслью ту мысль, промелькнувшую въ небѣ,
Схватишь секундой, созвѣзднымъ онъ будетъ, твой жребій,

Если поспѣешь, ты будешь съ кольцомъ обручальнымъ.
Если замѣшкаль, беззвѣзднымъ пройдеши и опальнымъ.

М. В. Нестеровъ.

„Святая Русь“.

Н. И. МИШЕЕВЪ.

АКАДЕМИКЪ М. В. НЕСТЕРОВЪ.

I.

„Нестеровская Русь“... „Нестеровская женщина“... „Нестеровскій пейзажъ“... „Нестеровскій мотивъ“...

Съ художникомъ Нестеровымъ въ русскій языкъ вошло новое слово и почти сразу приобрѣло права гражданства.

Очень важно отмѣтить, что мы всѣ какъ-то больше чувствуемъ это слово, чѣмъ понимаемъ его...

На долю очень и очень немногихъ дѣятелей искусства выпадаетъ честь въ такой степени выявить свое творческое „я“, чтобы имъ пользовались для опредѣленія качествъ предметовъ и явленій реального міра. Значитъ этотъ дѣятель—исключительный талантъ.

— Позвольте,— скажете вы,— какой же это „исключительный талантъ“, если извѣстный историкъ живописи и художникъ А. Н. Бенуа, пишетъ: „мятый, небрежный и мѣстами даже неумѣлый рисунокъ фигуръ, дешевая подчеркнутость типовъ, подведенные, якобы экстагическіе глаза... салонный маньеризмъ... нѣчто разслабленное, жидкое, истерическое... вотъ обычный недостатокъ нестеровскихъ картинъ“. („Ист. русск. жив. XIX в.“ СПб. 1902 г.). Кстати, эти строки написаны тогда, когда Нестеровъ создалъ уже картины: „Видѣнье отрока Варооломея“, „Великій постригъ“, „Св. Дмитрій царевичъ убіенный“ и др. Въ pendant къ этому

и другой историкъ-художникъ И. Грабарь, заявляетъ, что въ „живописи Нестерова, поистинѣ нищей и пустынной... ничего, кромѣ дурного вкуса найти нельзя“. („Вѣсы“ 1907 г. № 3). Наконецъ, весьма популярный критикъ С. Маковскій, горитъ: „Единственно—цѣнная идея для живописца — быть живописцемъ. Не поняли этого и Васнецовъ, и Рябушкинъ, и Нестеровъ“. („Страницы художественной критики“. СПб. 1909 г.).

— „Я не живописецъ,— говорилъ мнѣ, улыбаясь М. В. Нестеровъ... — Я очень хорошо знаю, какъ можно ловко „блеснуть“ техникой, такъ какъ, слава Богу, со школьной скамьи было время выработать въ себѣ этакую... манеру. Но не моя это задача... я не живописецъ“...

Передавая такой отзывъ художника о самомъ себѣ, Н. Евреиновъ *) прибавляетъ, — „что слова Рескина: — „картина, содержащая въ себѣ болѣе благородныя и болѣе возвышенныя идеи, какъ бы неудачно онѣ ни были выражены, выше и лучше картины, содержащей меньшее количество и менѣе благородныя идеи, хотя бы и прекрасно выраженыя“, — „заключаютъ въ себѣ сущность всего того, о чемъ говорилъ со мною Нестеровъ, высказывая свой взглядъ на искусство живописи“...

*) „Нестеровъ“. Очеркъ. Петерб. 1922 г.

Не мѣсто на строкахъ настоящей статьи поднимать вопросъ, что важнѣе въ искусствѣ — содержаніе или форма. Не могу только не вспомнить, что А. Бенуа, учившій Врубеля при его жизни „техникѣ и спокойствію“, („Ист. р. жив.“ 267 стр.), потомъ покаялся, что просмотрѣлъ гений Врубеля. И. Грабаръ въ своей „Ист. р. иск.“ не разъ заявляетъ, что къ художникамъ надо подходить осторожно. С. Маковский же въ книгѣ „Послѣдніе итоги живописи“ (Берл. 1922 г.), собственно говоря, хватается руками за голову, констатируя непрекаемый фактъ паденія живописи, сдѣлавшей форму своимъ идоломъ.

„Міръ во злѣ лежитъ“, т. е. какая-то ошибка была допущена при твореніи этого міра. Какъ же человѣку, „продукту“ самого міра не ошибаться!? А поэтому оставимъ въ сторонѣ всякія теоріи и обратимся къ нашему художнику, опредѣленно заявившему, что технику своего мастерства онъ знаетъ, но придаетъ ей второстепенное значеніе. Для него дороже всего содержаніе...

Поскольку въ силахъ нашихъ, пріобщимся къ содержанію его произведений, безусловно обогатившему насъ, въ противномъ случаѣ, не ввели бы мы въ свой лексиконъ новаго слова „нестеровскій“.

II.

Въ разговорѣ съ Н. Евреиновымъ въ 1922 г. Нестеровъ, „тяжело вздохнувъ“, сказалъ, что лишь недавно понялъ совершенно ясно, насколько иконопись мало дала ему удовлетворенія, будучи совсѣмъ-совсѣмъ не его сферой творчества“ **).

Очень важное признаніе въ устахъ художника, прославленнаго своею иконописью въ Владимірскомъ Киевскомъ Соборѣ и въ цѣломъ ряду другихъ храмовъ! Не станемъ и мы останавливаться на этой иконописи, хотя она, взятая сама по себѣ, очень интересна, особенно по сопоставленію ея съ творчествомъ Васнецова и „древле-православнымъ благочестіемъ“.

Тогда что же именно является „сферой“ творчества Нестерова?

В. В. Розановъ въ своей, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательной статьѣ о Нестеровѣ — („Золотое Руно“. 1907 г. № 2) — видитъ „сферу“ его въ удивительной способности передать молитвенное настроеніе русскаго чело-

вѣка. — „Художникъ вынулъ изъ сердца русскаго человѣка молитву, „не по чину, а въ особыхъ обстоятельствахъ, на случай“, и облекъ ее въ краски историческія, которымъ она и не противорѣчить, но съ которыми непремѣнною связью и не связана“...

Н. Евреиновъ, принимая такой взглядъ Розанова, добавляетъ, что молящейся „Святой Руси“ Нестерова пришелъ теперь конецъ, что „модель“ художника, эта „Святая Русь“, теперь уже умерла, что православный людъ въ настоящее время потерялъ „дѣвственность религиознаго осознанія“, которой онъ раньше надѣлялъ монастыри, скиты, монаховъ, калѣкъ, чахлыя сосенки, тонкія березки... Вотъ почему „Нестеровскій пейзажъ“ существуетъ лишь на холстѣ, въ воспоминаніяхъ. Его нѣтъ и не можетъ быть больше въ дѣйствительности“... Глаза русскаго человѣка теперь иначе смотрятъ и другое видятъ...

III.

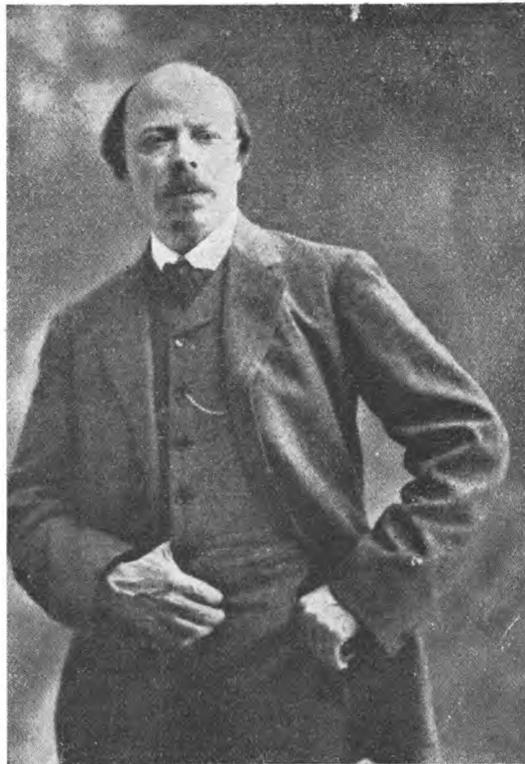
Въ 1910 г. мнѣ довелось быть на „Представленіи Страстей Христовыхъ“, которое, вотъ уже въ теченіи трехъ вѣковъ, одинъ разъ въ десять лѣтъ, дается въ Обераммергау. „Представленіе“ начинается въ 8 утра и кончается въ 7 вечера. Моимъ сосѣдомъ по мѣсту въ театрѣ былъ американецъ, лѣтъ 60, съ четверугольнымъ каменнымъ лицомъ и холодными глазами.

Наиболѣе потрясающимъ моментомъ „Представленія“ было прощаніе Христа, идущаго на страданія съ Дѣвой-Маріей. Непередаваемымъ смиреніемъ, покорностью Судьбѣ-Богу вдругъ повѣяло отъ всей этой сцены. Ланге — (Христосъ) и Цингеръ — (Марія) не играли, нѣтъ, — это было, что они давали, не отъ игры... Четырехтысячная толпа въ театрѣ глухо рыдала. Я невольно посмотрѣлъ на своего сосѣда. Склонивъ голову, онъ плакалъ. Поднялъ лицо, глянулъ на меня и тихо сказалъ: — „Обераммергау — хорошее мѣсто... Здѣсь я плачу одинъ разъ въ 10 лѣтъ съ 1880 г... Всегда въ эту минуту“.

Послѣ „Представленія“ мы разговорились. Оказался архимилліонеръ изъ Чикаго, на заводахъ котораго работаютъ 50.000 чел.

„Почему вы пріобрѣли картину именно Нестерова?“ — спросилъ я владѣльца картины „Двѣ сестры“ г. В., англичанина.

— „Знаете, — отвѣтилъ онъ, — у этого художника много такого... настоящаго, чело-

М. В. Нестеровъ.

**) Ibidem.

вѣческаго, что забывается въ сутолокѣ жизни. У насъ, въ Лондонѣ, есть его большая картина съ надписью: „если не будете, какъ дѣти, — не войдете въ Царствіе Божіе“. Тамъ, за вашей старинной иконой Спасителя много идетъ народа: русскіе цари, священники, монахи, воины. Въ послѣднемъ ряду Достоевскій, Левъ Толстой, Влад. Соловьевъ. Впереди всѣхъ — мальчикъ съ большими голубыми, безмятежными глазами. Очень хорошая картина“...

IV. .

Мы знаемъ, что Нестеровъ одно время жилъ въ Италиі. Живопись знаменитыхъ художниковъ „Quattrocento“, Фра Анджелико да Фіезоле и Сандро Ботичелли оказали на него исключительное вліяніе.

Въ будущей монографіи о Нестеровѣ, въ которой чувствуется такая необходимость, конечно, большое вниманіе будетъ удѣлено вопросу, въ какой степени вышеназванные итальянскіе художники повліяли на русскаго художника. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, напрімѣръ,

„Святой Доминикъ“ Фра-Анджелико и „Богоматерь“ Ботичелли не будятъ въ вашей душѣ тѣхъ же чувствъ, переживаній и настроеній, что и многія картины Нестерова? Разумѣется, это не идентично во всѣхъ отношеніяхъ, но всмотритесь повнимательнѣе и вы многое найдете схожимъ.

Что же именно?

Покорность, смиреніе, сладость страданія, молчанія, ту нѣжность души, которая такъ прекрасно характеризуется „женственнымъ началомъ“, — по выраженію Гете, „поднимающимъ насъ къ небу“... „Великій постригъ“, „Св. Дмитрій убіенный“, „Видѣніе отрока Варѣоломея“, „Думы“, „Юность св. Сергія“, „За Волгой“, „Двѣ сестры“, (цвѣтн. репр.), „Богоматерь“, Народъ въ „Святой Руси“, „Отшельникъ“, „Молчаніе“, „Два лада“, „Осенній день“, „На горахъ“, „Лѣто“.

Какъ ясно всѣ эти картины говорятъ объ этомъ „женственномъ началѣ“, звучащемъ и въ „нестеровскомъ пейзажѣ!“ Это не молитва „на случай“ русскаго человѣка, какъ говоритъ В. Розановъ, нѣтъ, это лишь та „атмосфера“, гдѣ

М. В. Нестеровъ.

„Великій постригъ“.

М. В. Нестеровъ.

„Видѣніе отрока Вареломеня“.

М. В. Нестеровъ.

„Молчаніе“.

М. В. Нестеровъ.

„Отшельник“.

скорѣй всего является желаніе молиться и притомъ безъ словъ, ибо, „какъ сердцу высказать себя?“ „Это“, если и „русское“, то въ такой же степени и „чисто-человѣческое“, которое затронетъ и твердо-каменнаго американца, плачущаго одинъ разъ въ 10 лѣтъ въ моментъ наивысшаго выраженія покорности и самоотреченія, связанныхъ съ образами Христа и Богоматери.

Вотъ почему „оно“ не умерло сейчасъ въ русскомъ народѣ, какъ увѣряетъ Н. Евреиновъ, а лишь мятежной стихіей человѣческаго духа загнано куда-то на задній планъ. Придетъ время и вновь появится, ибо „жен-

ственность“, какъ нѣжность, покорность, самопожертвованіе, „тихий свѣтъ“, „ласковый вѣтерокъ“, безконечное прощеніе и любовь, тишина есть „предвѣчное“ свойство человѣческаго духа. Богъ явился Моисею не въ громѣ, не въ бурѣ и грозѣ, а въ дуновеніи зѣфира. Чудесный символъ...

V.

Есть поэтъ. Читая его, вспоминаешь Нестерова и наоборотъ: смотришь картины нашего художника и приходятъ на память удивительные стихи этого поэта. Роденбахъ. Онъ тоже въ монографіи о Нестеровѣ займетъ не послѣднее мѣсто. Бельгія и Россія... Что об-

М. В. Нестеровъ.

„Лѣто“.

М. В. Нестеровъ.

„Юность Св. Сергія“.

„Струи молчанія безъ ясныхъ береговъ
Волнуются и держатъ путь безцѣльный“...

И встаетъ передъ глазами „Молчаніе“
„Отшельникъ“.

„Звукъ колоколовъ несется отдаленныхъ,
Скользящій, какъ шаги бегининокъ въ тишинѣ“.

Смотрите на „Лѣто“. Кстати, „бегинки“ это монахини одного бельгійскаго монастыря. Но развѣ вамъ не слышится въ картинѣ „Лѣто“ звонъ колоколовъ, на который, прислушиваясь, русскія монахини „въ мечтаньяхъ идеальныхъ“ идутъ съ полевой работы?... „Скользящій звукъ колоколовъ“, „какъ шаги“ монахинь слышится и въ „Великомъ постригѣ“, героиня котораго, по выраженію того же Роденбаха, „теряя всѣ надежды, прощается съ завѣтною мечтой“. Лучше сказать нельзя и наврядъ-ли можно нарисовать...

Да, все это въ „русской оболочкѣ“. Но вѣдь еще Достоевскій замѣтилъ, что мы „всечеловѣки“...

Н. И. Мишѣевъ

шаго? Роднятъ одинаковыя свойства
человѣческой души. Впрочемъ, посудите
сами. ***)

„Большое сердце вѣдь не властно надъ собою...
Въ обширномъ сердцѣ томъ соединить все можно,
Оно, какъ женское, загадочно и сложно...“

Вода, какъ женщина, полна любовной ласки
И небу предана, какъ вѣрная жена.
Приходятъ дни скорбей, когда оно едва
Въ ней видно, сѣрое, подъ гнетомъ думъ! тяже-
лыхъ...

Да, сердце вдумчивой воды болитъ съ тоской,
Какъ сердце юныхъ дѣвъ въ мечтаньяхъ идеаль-
ныхъ

Отъ одиночества безшумнаго печальныхъ...
Вода для страждущихъ полна заботы нѣжной
И, какъ монахиня, вдали отъ суеты
Скрывается въ тиши...
Подъ чернымъ клобукомъ и рясой темноты...
Вода сестра березы“...

Вглядитесь въ „Думы“ „За Волгой“,
„На горахъ“, „Осенній день“. Не правда-
ли прекрасная „иллюстрація“ къ Роден-
баху? „Вода сестра березы“ и „Дѣва
лада“. Какъ мѣтко и тонко подмѣчено
это „родство воды съ березой!“...

***) „Царство молчанія“. Стихотворенія. Пер.
С. Головачевскаго. М. 1903 г. Его же: „Мистическія
лиліи“, стих. въ прозѣ.

М. В. Нестеровъ.

„Св. Дмитрій, царевичъ убиенный“.

П Ъ С Н Я.

Поѣздъ метро выкатился изъ-подъ земли на волю, и сѣкущая гремь желѣза смѣнилась глубокимъ гуломъ. Пошла эстакада надъ Парижемъ.

Дождливо, мутно смотрѣлъ Парижъ: тонкія его дали скрылись, мыльно мутнѣлась Сена; черныя, голая деревья тонули рядами въ мутноту, смутно выпучивался куполь, тяжелый, темный, похожій на Исакій; дымнымъ гвоздемъ подъ небо высилась башня Эйфель, тянулась въ тучи. Въ косыхъ полосахъ дождя грязно чернѣли крыши, бѣжали глухія стѣны, висли на нихъ плакаты, — пухлый, голый, смѣющийся во весь ротъ мальчишка, зеленая, съ домъ, бутылка, рожа въ заломленномъ цилиндрѣ, сующая въ ротъ бисквиты, танцовщица на ребрѣ бокала, — кричали, пропадали. Черной водой струились внизу — глубоко асфальты, стегало по нимъ ливнемъ; бѣжали зонты и шляпы; подпрыгивали, какъ заводные, автомобили въ брызгахъ, наскакивали, заминались. Тучи несло по крышамъ, хлестало, поливало. И вдругъ — жидкой полоской врывалось солнце; струилось въ лужахъ, дрожало на дали искрой, сіяло рельсомъ, стекломъ, автомобилемъ, озябшими цвѣтами на телѣжкѣ, — и пропадало въ ливнѣ. Шла обычная мартовская игра, — вѣтра, дождя и солнца, — капризная „giboullée de mars“.

Но и въ этотъ ненастный день Парижъ былъ тотъ же Парижъ — живой, торопливый

въ мѣру, навѣки заведенный. Въ эту мартовскую игру онъ казался даже еще живѣе. Гуще клубились трубы. Въ черныхъ затекшихъ окнахъ неурочно вспыхивали огни и гасли. Брызгая бѣшено на лужахъ, гнали во-всю шоферы, крѣпче защелкивались дверцы, страшно ревѣли автобусы. Все спѣшило, сталкивалось зонтами, прихватывало шляпы, прыгало — шлепало по лужамъ, махало равнодушному шоферу, совалось въ подворотни, отряхивалось, пережидало. Вѣтеръ гудѣлъ столбами, гремѣлъ желѣзомъ, срывалъ и гонялъ шляпы, ливень поролъ по лужамъ, обрывался, — сверкало солнцемъ. Опять бѣжали, толкались, извинялись:

— Эта ужасная погода!..

Было уже за полдень — урочный, священный часъ, когда цѣлый Парижъ спѣшитъ по домамъ обѣдать.

Поѣздъ вкатилъ подъ своды „La-Môtte-Picquet“ выбросилъ кучи люда, забрала другія и покатился дальше. Толпа запрудила корридоры, топталась, порывалась, сыпалась чернотой съ лѣстницъ, крутилась на площадкахъ. „La-Môtte-Picquet“ — большая остановка: встрѣчаются эстакада и подземка, всегда здѣсь людно. Но въ эту ненастную погоду, когда подгоняетъ ливнемъ, здѣсь была форменная давка, встрѣча людскихъ потоковъ: одинъ катился отъ „Étoile“, другой, широкій, — отъ „Opéra“, съ подземки, и третій — съ воли.

Фра Анджелико.

„Св. Доминикъ“.

Сандро Боттичелли.

„Богоматерь“.

АКАД. М. В. НЕСТЕРОВЪ.

„ДВѢ СЕСТРЫ“.

М. В. Нестеровъ.

„Богоматерь“.

Сливались они къ площадкѣ, вровень съ асфальтомъ улицъ. Сверху гремѣла эстакада, съ улицъ несло гудками, хлестало изъ-за рѣшетки ливнемъ. Мутныя сваи эстакады темнѣли корридоромъ, тянулись пустой аллеей, пропадали. Было видно, какъ прятались подъ столбами люди, вытягивали шеи, выжидали.

И вотъ, прорывая гулы, гудки и ливень, — гдѣ-то запѣли пѣсню.

Такъ это странно было, такъ неожиданно!

Толпа тѣснилась, давила, заминалась. Пѣсня... Да гдѣ же это?

Глухо гремѣла эстакада, катила чугунными шарами, — будто играли въ кегли, — ревѣли гудки моторовъ, стегало ливнемъ. Но слабая пѣсня пробивалась. Тонко наигрывала флейта, звенѣла мандолина, тянула виолончель надрывно, ворчали басы гармоньи, и всѣхъ сливала, нѣжно ласкалась пѣсня, — гдѣ-то близко.

Это бродячіе артисты пѣли. Пѣли они подъ эстакадой, за рѣшеткой: сбило ихъ сюда ливнемъ.

Толпа валила, спускалась, поднималась, но въ ней пробѣгали струйки, текли поперекъ теченья, лились къ рѣшеткѣ, глядѣли черезъ прутья. Толпа ворчала, слышались выкрики спѣшившихъ:

— Да проходите, чего вы встали?...

— Позвольте... куда вы прете?..

Валились на рѣшетку, напирали. Глядѣли черезъ спины.

Конечно, — бродячіе артисты, обычный квартетъ предмѣстій, быстро, трактировъ, скромныхъ кафэ и нешумныхъ улицъ.

Но что же они пѣли?

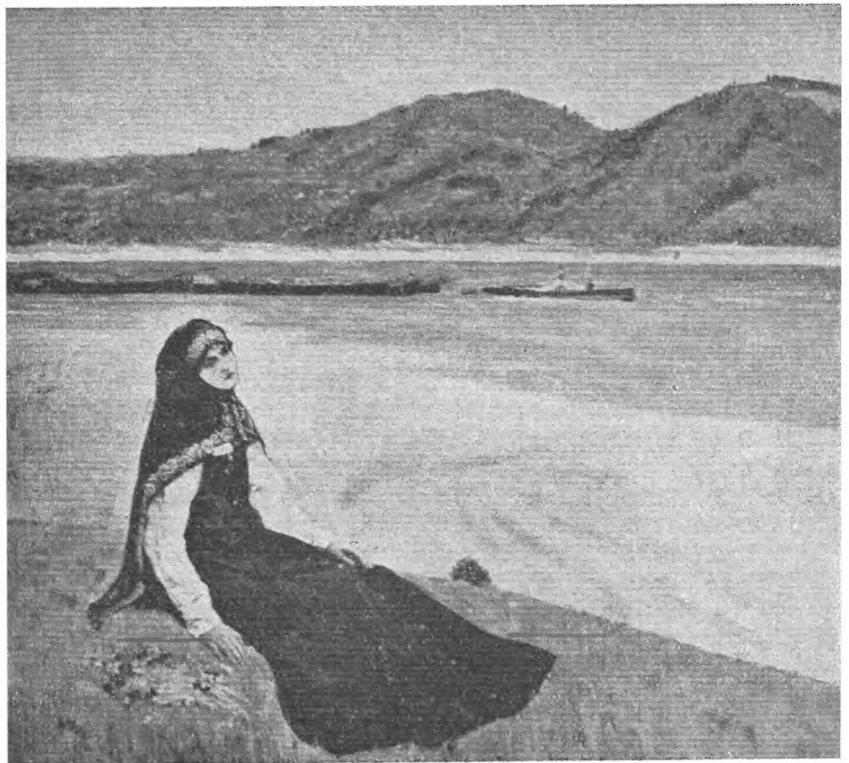
Свое, понятно, которое всѣмъ извѣстно. Они раздавали ноты, приглашали прохожихъ — пойте. Кто желаетъ — беретъ, даетъ сантимы; ноты можетъ себѣ оставить. Музыканты ничего не просятъ, а предлагаютъ: пойте! Красиво, гордо.

Музыканты, пѣсни... — всякій слыхалъ и знаетъ. — Да проходите!..

Пробирались черезъ толпу къ рѣшеткѣ. Новая, какъ-будто, пѣсня? Каждый день музыканты сочиняютъ, кладутъ на ноты.

Не новая была пѣсня: ходили измятые листочки, отданные назадъ артистамъ: продадите! Но то, какъ пѣли, — должно быть, казалось новымъ: листочки разбирали. Или эта ужасная погода, необычность мѣста, пустая аллея эстакады, подъ гуль и грохотъ, подъ жесткой припѣвъ желѣза, — дѣлали эту пѣсню новой? Что-то было. Иные напѣвали подъ сурдинку, плотно прильнувъ къ рѣшеткѣ, — всматриваясь въ желѣзную аллею, въ деревья — сваи, бѣжавшія въ даль столбами. Пѣли — глядѣли въ своды, гдѣ черныя балки-скрѣпы глазѣли на нихъ болтами.

Грустью томилась пѣсня. Невеселы были и артисты: ходить по такой погодѣ — весело немного. Что ихъ толкнуло въ жизни, сказало — пойте? — Бродяжный ли духъ

М. В. Нестеровъ.

„За Волгой“

М. В. Нестеровъ.

„На горахъ“.

артиста, которому повсюду тѣсно, который живетъ на волѣ, — или судьба скупая: ходите, пойте? —

Пятеро было музыкантовъ. Стояли они лицомъ въ „аллею“, къ рѣдкимъ прохожимъ, укрывшимся отъ дождя подъ своды. Такъ было и удобнѣй — пѣть и играть по вѣтру.

Впереди стоялъ, по виду, глава оркестра, брюнетъ, худощавый, стройный, въ темномъ пальто, съ воротникомъ изъ мѣха, смокшаго на дождѣ, со звѣздочками проплѣшинъ, изъ того мѣха, что зовется у скорняковъ — „собачій бобрискъ“. Лицо брюнета было благородно, тонко, въ пенснэ въ роговой оправѣ, въ остренькой, съ просѣдью, бородкѣ. Мягкая шляпа, лодкой, крахмальный воротничокъ, серебристое шелковое кашнэ, враскрышку пальто, — все было свѣже, чисто, красиво даже. Его можно было принять за адвоката, за артиста. По тому, какъ обращалась къ нему пѣвица, какъ слѣдили за его флейтой музыканты, можно было судить, что его очень уважаютъ. Онъ стоялъ прямо, неподвижно — прямо, и лицо его было неподвижно, сторожко, напряженно. Оно было чуть-чуть поднято, смотрѣло поверхъ движенья, какъ смотрятъ прислушивающіеся или слѣпые люди. Въ перерывѣ пѣсни онъ уронилъ носовой платокъ и опустился прямо, стараясь его нащупать. Ему подняли, и онъ, по-военному, четко, коснулся шляпы. Дымныя стекла его пенснэ скрывали какіе-нибудь жуткіе изъяны.

Игравшій на виолончели сидѣлъ на походномъ стулѣ. Тотъ былъ жалкаго вида, въ виксатиновой курткѣ гороховаго тона, очень худой и, должно быть, очень большого роста; онъ согнулся въ дугу надъ инструментомъ и такъ ковырялъ смычкомъ „рылъ землю“, что ходили бугры его лопатокъ, и извивалась шея. Лицо его было совсѣмъ подъ шляпой.

Гармонистъ былъ круглый, съ одутлымъ сизымъ лицомъ, съ черными усиками „въ мушку“, съ большимъ животомъ, мѣшавшимъ ему въ работѣ. Онъ сидѣлъ на футлярѣ отъ гармоньи, очень низко, вытянувъ ноги въ крагахъ. По щегольской когда-то его курткѣ съ нашитыми жгутами болталась блестящая цѣпочка съ жетонами-брелками, какъ и у нашихъ, бывало, гармонистовъ. Многорядная гармонья, въ звонкахъ и блескахъ, стояла на раздвинутыхъ колѣняхъ, слѣдуя ихъ движенью, и подавала басомъ — ррам... ррам..., — вступающая когда нужно.

Четвертый, мандолинистъ, былъ крѣпкій и краснощекій, залихватскій малый, веселый даже въ эту ужасную погоду. Кровь его хорошо играла, чуть ли даже не жарко ему было: онъ былъ въ одномъ пиджакѣ, особенно какъ-то лихо на немъ сидѣвшемъ, притершемся къ его тѣлу, съ отвисшими, — а, плевать! — будто носилъ въ нихъ камни, карманами, изъ которыхъ совсѣмъ подомашнему торчали скаковыя афишки, круасанъ, трубка, и мотался ухомъ черный чехоль отъ мандолины. Онъ

игралъ-раскачивался въ разливѣ пѣсни, закинувъ голову, словно вызванивалъ гдѣ-нибудь подѣ прекраснымъ небомъ, и чудесныя звѣзды сияли ему подѣ серенаду. Онъ стоялъ, выставивъ одну ногу, подавшись на другую, раскачивался на ней, весь, какъ-будто, уходилъ въ пѣсню, бойко окидывалъ черными глазами, подмигивалъ гармоньѣ, віолончели, вѣтру, — лихо?... — и весело колупалъ по струнамъ, совсѣмъ небрежно. И только послѣ, когда кончилась пѣсня мандолины, можно было понять, что этотъ веселый малый — совсѣмъ калѣка: выставленная нога такъ и осталась неподвижной.

Пятой — была высокая, сухопарая пѣвица, съ вытянутымъ лицомъ, въ которомъ пробѣгало испуганное что-то, птичье, — съ выступавшими зубами, которыхъ не покрывали зубы. Короткое пальтецо на ней моталось, моталась и тощая горжетка, съ колючей мордой какого-то звѣрушки. Пѣвица раздавала ноты, получала франки и сантимы и, получая, пѣла.

Но что же они пѣли?

Флейта томилась грустью, напѣвала нѣжно. Мандолина вызванивала томно, напоминала что-то. Віолончель дрожала, ласкалась страстно, замирала въ упоеньи. Гармонья утверждала: правда... правда... c'est vrai... c'est vrai...

И чистый, высокій голосъ вырывался укоризной, болью:

...„Tu m'avais promis... m'avais promis“...

„Ma vie... ma vie... i...ie..!“

Віолончель стонала; жалѣла флейта, истекала болью. Сопрано опять врывалось:

...illusions perdues...

...„promesses... pas accomplies..!“

Стоявшій прямо, слѣпой, смотрѣлъ въ „аллею“. Тамъ столбы бѣжали, сливались мутью. Но флейта напѣвала нѣжно, манила въ дали, гдѣ — небо голубое, гдѣ — море, какъ глаза твои, синѣтъ... и острова, волшебными цвѣтами, какъ поцѣлуи губъ твоихъ прелестныхъ“..., гдѣ — „музыка звучитъ и дни, и ночи...“

Сопрано, мандолина — подпѣвали:

„Глаза мой — мерцающія звѣзды...“

Пойдемъ со мною,

Пойдемъ со мно-о-ю...“

Віолончель вступала, глухимъ укоромъ:

„Ты обѣщала... Ты обѣща-а-ла... жи-и-изнь...“

Игравшаго невидно было: голова его склонилась, моталась шляпа. Онъ ковырялъ смычкомъ, тянулъ изъ инструмента жилы. Ерзали его лопатки, крутилась шея.

Сопрано, лицомъ подѣ эстакаду, укоряло:

„...Tu m'avais promis... m'avais promis...“

„Ma vie... ma vie... i...ie..!“

Стояли плотно, давили на рѣшетку, колыхались. Подпѣвали глухо. Обычная толпа метро — рабочіе въ каскеткахъ, мидинетки, мелкіе торговцы, машинистки, посыльные, солдаты, клерки, чиновники, многіе съ полосками въ петлицахъ — бывшіе солдаты, — плотный слой Парижа. Выше другихъ стоялъ гвардеецъ въ каскѣ, въ черно-красной гривѣ, гудѣлъ въ листочекъ. На темномъ фонѣ, притиснутые къ прутьямъ, такъ что выпирало вздутки, желтѣли двое. Издалѣка ихъ увидишь — пятна молочной грязи, „союзныя шинели“, жеванную тряпку — демикотона, что ли, — пальто биваковъ, платье черной доли, — дары бездомнымъ. Все еще они мелькаютъ, демикотонъ еще желтѣетъ по Парижу, — халаты арестантовъ, затрапезные подряски служекъ, — размахъ Европы.

Эти двое стояли за рѣшеткой, внимали пѣснѣ. Тонкія ихъ лица были юны, свѣтлоглазы, тревожно-напряженны. Глаза смотрѣли грустно.

Поѣзда катили, гудѣла эстакада изда-лѣка, глухо, переливала въ грохотъ.

Пѣсня укоряла, билась:

„Ты обѣщала... ты обѣща-а-ла... жизнь“...

„Ты обѣщала... ты обѣща-а-ла... жизнь“...

Это былъ романсъ для улицы, пѣвучій, легкій, — работа музыканта съ вышки, — легко запоминался. Но странно: музыканты исполняли необычайно ярко. Ихъ подтянуло, захватило что-то. Необычность

мѣста, куда загнало ливнемъ, грохотъ ли желѣза сверху, мертвая „аллея“ эстакады, давка? — Толпа несетъ артистовъ. — Или — погода затомила душу?..

М. В. Нестеровъ.

„Думы“.

Пѣсня захватила.

Слушали съ волненъемъ; было по лицамъ видно, какъ забирали звуки. Уже не романсъ былъ это, печально-сладкій: — рождалась пѣсня, являлась откровенъемъ, прозрѣванъемъ, кричала болью, пѣла о томъ, что близко, страшно близко, что движетъ жизнью. Вдругъ остановила и открыла. Стояли и внимали: счастье невозможно, надежды тщетны... обѣщанья, дали, цвѣты волшебные, мерцающія звѣзды, поцѣлуи губъ манящихъ... —

„...illusions perdues...“

„...promesses... pas accomplies..!“

Жизнь обманула, сойдетъ впустую... Смотрѣли въ эстакаду, давили на рѣшетку. Глаза вбирали: правда, правда!..

Басы хрипѣли:

„...c'est vrai... c'est vrai“...“

Быть можетъ преображенной пѣснью пріоткрылось — что росточкомъ дремлетъ, мерцаетъ въ каждомъ? что стоитъ загадкой, томить поэтовъ, опалаетъ душу, томить загадкой? что было изначала слова-чувства — сознание обреченности безсрочной?..

Это было въ пѣснѣ.

Слѣпой стоялъ недвижно, глядѣлъ надъ всѣми. Рука его дрожала, съ флейтой. Веселый дернулъ мандолиной, опустилъ къ ногъ и слушалъ.

Кончалась пѣсня. Голоса стихали. Осталось трое. Голосъ сорвался воплемъ:

„...pas accomplies...“

Виолончель тянула, умирала, рванулась... — рюпп!.. — лопнула струна. Гармонья приглушенными басами еще хрипѣла...

Пѣсня кончилась. Молчали, словно ожидали — дальше. Кто-то крикнулъ — bravo! Захлопали, зашевелились, вынимали деньги. Въ желтыхъ пальто, стояли у рѣшетки, ждали. Одинъ сказалъ пѣвицѣ:

— Madame, donnez... ces notes... pour nous...“

Пѣвица сунула листочекъ. Сказавшій четко

приложился къ шляпѣ. Эстакада громыкала рѣже. Стало посвободнѣй, но публика еще валила съ лѣстницъ. Дождь рѣдѣлъ. Солнце хотѣло выглянуть. Передній что-то сказалъ. Пѣвица взяла „тарелки“. Малый встряхнулся, звякнулъ мандолиной, мотнулъ гармоньѣ. Виолончель наставила смычокъ, — и грянули.

„Марсельезу“ заиграли.

Толпа сомкнулась, подхватила дружно. Нотъ не надо: слова и звуки знали съ дѣтства, — о родинѣ. Навожденіе слетѣло. Подъ ногами была земля, своя, родная. Пропала эстакада со столбами, гуль и громыханье. Бѣшено играли артисты улицъ! „Тарелки“ оглушали, бились въ дребезгъ, виолончель взрывалась брюхомъ, свистѣла флейта, гармонья надувалась вертѣлся на ногъ волчкомъ, другая двинулась въ походъ, стучала пяткой. Топотали, свистали, прыгали, сбѣгая съ лѣстницъ; бухалъ ящикъ, стучали кастаньеты, — ключами выбивали по рѣшеткѣ.

И стало ярко.

Солнце смѣялось окнами напротивъ, сверкало въ лужахъ, на бѣшенныхъ „тарелкахъ“, на гармонистѣ, на его гармоньѣ, въ звонкахъ и блескахъ, на рѣшеткахъ. На губахъ трубили, — легко бѣжалось.

Музыканты двинулись черезъ дорогу, въ бистро, неподалеку. Можно теперь и выпить: заработали недурно, и погода...

Двое въ желтыхъ пальто, пошли плечо къ плечу. Остановились: автомобили запрудили ходъ.

— Ловко у нихъ выходить... сказалъ одинъ.

— Свое...

Брызнуло опять и завертѣло.

Постояли, посмотрѣли туда, сюда...

— Allons..? —

Пошли куда-то.

Октябрь 1925 г.
Ланды.

Ив. Шмелевъ.

СНИТСЯ МНѢ...

Потому ли, что падаетъ снѣгъ,
Потому ли, что сердце печально,
Снится мнѣ солнца вешняго бѣгъ
Тамъ, на родинѣ, призрачно-дальней...
Темно-синихъ небесъ глубина, высота,
Облаковъ свѣтозарные лики,
И дорога въ степи... а надъ ней широта,
Птичьихъ стай опьяненные крики...
Мрачно... холодно! сну не согрѣтъ
День за днемъ леденѣющей крови...
Югъ... весна!.. васъ вдохнуть!..
Наяву посмотрѣтъ,
И уснуть, замереть
На ковръ зеленѣющей нови!..

Ольга Далматова.

МАРКИТА.

Душно пахло шоколадомъ, теплымъ шелкомъ платьевъ и табакомъ.

Раскраснѣвшіяся дамы пудрили носы, томно и гордо оглядывали публику — знаю, молъ, разницу между мною и вами, но снисхожу.

И вдругъ, забывъ о своей гордой томности, нагбались надъ тарелкой и жѣвали пирожное торопливо, искренно и жадно.

Услужающія дѣвицы, все губернаторскія дочки, (думали-ли мы когда-нибудь, что у нашихъ губернаторовъ окажется столько дочекъ), поджимая животы, протискивались между столиками, растерянно повторяя:

— Одинъ шоколадъ, одинъ пирожное и одинъ молоко...

Кафэ было русское, поэтому — съ музыкой и „выступленіями“.

Выступилъ добродушный голубоглазый верзила изъ выгнанныхъ семинаристовъ и, выпята кадыкъ, изобразилъ танецъ апаша. Онъ свирѣпо швырялъ свою худенькую партнершу съ макаронными разѣзжавшимися ножками, но лицо у него было доброе и сконфуженное.

— Ничего не попишешь, каждому ѣсть надо, — говорило лицо.

За нимъ вышла „цыганская пѣвица Раиса

Цвѣткова“ — Раичка Блюмъ. Завернула верхнюю губу, какъ зѣвающая лошадь и пустила черезъ ноздри:

„Пращвай, пращвай, подругва дарагавая!
Пращвай, пращвай — цэганская сэмэа“.

Ну что подѣлаешь! Раичка думала, что цыганки именно такъ поютъ.

Слѣдующій номеръ была Сашенька.

Вышла, какъ всегда, испуганная. Незамѣтно перекрестилась и оглянувшись, погрозила пальцемъ своему большеголовому Котькѣ, чтобъ смирно сидѣлъ.

Котька былъ очень малъ. Круглый носъ его торчалъ надъ столомъ и сопѣлъ на блюдечко съ пирожнымъ. Котька сидѣлъ смирно.

Сашенька подбоченилась, гордо подняла свой круглый, какъ у Котьки, носъ, повела бровями по испански и запѣла „Маркиту“.

Голосокъ у нея былъ чистый и слова она выговаривала просто и убѣдительно.

Публикѣ понравилось.

Сашенька порозовѣла и вернувшись на свое мѣсто, поцѣловала Котьку еще дрожавшими губами.

— Ну вотъ, посидѣлъ смирно, теперь можешь получить сладенькаго. —

М. В. Нестеровъ.

„Свирѣль“.

Сидѣвшая за тѣмъ же столикомъ Раичка шепнула:

— Бросьте ужъ его. На васъ хозяйинъ смотритъ. Около двери. Съ нимъ татаринъ. Черный носъ. Богатый. Такъ улыбнитесь же, когда на васъ смотрятъ. На нее смотреть, а она даже не понимаетъ улыбнуться!

Когда онѣ уходили изъ кафэ, продавщица, многозначительно взглянувъ на Сашеньку, подала Котыкъ коробку конфетъ.

— Приказано передать молодому кавалеру.

Продавщица тоже была изъ губернаторскихъ дочекъ.

— Отъ кого?

— А это насъ не касается.

Раичка взяла Сашеньку подъ руку и зашептала:

— Это все, конечно, къ вамъ относиться. И потомъ я вамъ еще посоветую — не то-скайте вы съ собой ребенка. Увѣряю васъ, что это очень мужчинъ расхолаживаетъ. Вѣрьте мнѣ, я все знаю. Ну ребенокъ, ну конфетка, ну мама — вотъ и все. Женщина должна быть загадочнымъ цвѣткомъ (ей-Богу!), а не показывать свою домашнюю обстановку. Домашняя обстановка у каждого мужчины у самого есть, такъ онъ отъ нея бѣжитъ. Или вы хотите до старости въ этой чайной романсы пѣть? Такъ, если вы не лопнете, такъ эта чайная сама лопнетъ.

Сашенька слушала со страхомъ и уваженіемъ.

— Куда же я Котыку дѣну?

— Ну пусть съ нимъ тетя посидитъ.

— Какая тетя? У меня тети нѣту.

— Удивительно, какъ это въ русскихъ семьяхъ всегда такъ устраиваются, что у нихъ тетей нѣтъ!

Сашенька чувствовала себя очень виноватой.

— И потомъ надо быть повеселѣе. На прошлой недѣлѣ Шнутрель два раза для васъ приходилъ, да, да, и апплодировалъ и къ столу подсѣлъ. А вы ему, навѣрно, стали рассказывать, что васъ мужъ бросилъ.

— Ничего подобнаго — перебила Сашенька, но густо и виновато покраснѣла.

— Очень ему нужно про мужа слушать. Женщина должна быть Кармень. Жестокая, огненная. Вотъ у насъ въ Николаевѣ...

Тутъ пошли обычныя Раичкины чудеса про Николаевъ, роскошнѣйшій городъ, Вавилонъ страстей, гдѣ Раичка, едва окончивъ прогимназію, сумѣла сочетать въ себѣ Кармень, Клеопатру, Мадонну и шляпную мастерицу.

На другой день черноносый татаринъ говорилъ хозяину чайной:

— Ты мэнэ, Григорій, познакомъ съ этимъ дѣвушкой. Она мэнэ сердце взяла. Она своего малшика поцѣловала — въ ней душа есть. Я человекъ дикій, — а она мэнэ теперь, какъ родственникъ, она мэнэ, какъ племянникъ. Ты познакомъ.

Маленькіе, яркіе глазки татарина заморгали и носъ отъ умиленія распухъ.

— Да ладно. Чего-жъ ты такъ разстраиваешься. Я познакомлю. Она, дѣйствительно, кажется, милый человекъ, хотя — кто ихъ разберетъ.

Хозяинъ подвелъ татарина къ Сашенькѣ.

— Вотъ другъ мой — Асаевъ, желаетъ съ Вами, Александра Петровна, познакомиться.

Асаевъ потоптался на мѣстѣ, улыбулся растерянно. Сашенька стояла красная и испуганная.

— Можно пообѣдать — вдругъ сказалъ Асаевъ.

— У насъ... у насъ здѣсь обѣдовъ нѣтъ. У насъ только чай, файфъ о'clock до половины седьмого.

— Нѣтъ... я говорю, что мы съ вами поѣдемъ обѣдать. Хотите?

Сашенька совсѣмъ перепугалась.

— Мерси... въ другой разъ... я спѣшу... мой мальчикъ дома.

— Малшикъ? Такъ я завтра приду.

Онъ криво поклонился, разъ — два, точно поздравляя и отошелъ.

Раичка схватила Сашеньку за руку.

— Возмутительно. Это же прямо идіотство. Въ нее влюбился богатѣйшій человекъ, а она его мальчикомъ тычетъ. Слушайте, я завтра дамъ вамъ мою черную шляпу и купите себѣ новыя туфли. Это очень важно.

— Я не хочу идти на содержаніе — сказала Сашенька и всхлинула.

— На содержаніе? — удивилась Раичка — Кто-же васъ заставляетъ? А что вамъ помѣшаетъ, если богатый мужчина за вами сохнуть станетъ? Вамъ помѣшаетъ, что вамъ будутъ подносить цвѣты? Вамъ помѣшаютъ духи, конфеты, театры? Конечно, если вы будете все время вздыхать и нянчить дѣтей, то онъ съ вами не долго останется. Онъ человекъ восточный и любить женщинъ съ огнемъ. Ужъ вѣрьте мнѣ — я все знаю.

— Онъ, кажется, очень... милый! — улыбулась Сашенька.

— А если сумѣете завлечь, такъ и женится. Зайдите вечеромъ за шляпой. Духи у васъ есть?

Сашенька плохо спала. Вспоминала татарина, умилялась, что такой некрасивый.

— Бѣдненькій онъ какой-то. Любить его надо бы ласково, а нельзя. Нужно быть гордой и жгучей и вообще Кармень. Куплю завтра лакированныя туфли. Носъ у него въ какихъ-то дырочкахъ и сопить. Жалко. Вѣрно, одинокій, не пригрѣтый.

Вспоминала мужа, красиваго, нехорошаго.

— Котыку не пожалѣлъ. Танцуетъ по дингамъ. Видѣли въ собственномъ автомобилѣ съ желтой англичанкой.

Всплакнула.

Утромъ купила туфли. Туфли сразу наладили дѣло на карменный ладъ.

— Тра-ля-ля-ля!

А тутъ еще подвезло: сосѣдка-жиличка начала новый флюсь—это значить дня на три, на четыре—дома. Обѣщала присмотрѣть за Котыкой.

М. В. Нестеровъ.

„Два лада“.

Въ Раичкиной шляпѣ, съ розой у пояса, Сашенька почувствовала себя совсѣмъ дѣмонической женщиной.

— Вы думаете, я такая простенькая? — говорила она Раичкѣ, — Хо. Вы меня еще не знаете. Я всякаго вокругъ пальца обведу. И неужели вы думаете, что я придаю значеніе этому армяшкѣ? Да я захочу, такъ у меня ихъ сотни будутъ.

Раичка смотрѣла недовѣрчиво и посовѣтывала ярче подмазать губы.

Татаринъ пришелъ поздно и сразу къ Сашенькѣ.

— Ёдемъ. Обѣдять.

И пока она собиралась, топтался близко, носомъ задѣвалъ.

На улицѣ ждалъ его собственный автомобиль. Сашенька этого даже и вообразить не могла. Немножко растерялась, но лакированные туфли сами подбѣжали, прыгнули — словно имъ это дѣло бывалое... На то, вѣроятно, ихъ и сладили.

Въ автомобиль татаринъ взялъ ее за руку и сказалъ:

— Ты менѣ родной, ты менѣ, какъ племянникъ. Я тебѣ что-то говорить буду. Ты подожди.

Пріѣхали въ дорогой русской ресторанъ. Татаринъ заказывалъ какихъ-то шашлыковъ разсѣянно. Все смотрѣлъ на Сашеньку и улыбался.

Сашенька выпила залпомъ рюмку портвейна, думала, что для дѣмонизма выйдетъ хорошо. Татаринъ закачался и лампа поѣхала вбокъ.

Видно, не надо было такъ много.

Я дикій — говорилъ татаринъ и заглядывалъ ей въ глаза. Я такой дикій, что даже скучаю. Совсѣмъ одинъ. И ты одинъ?

Сашенька хотѣла было начать про мужа, да вспомнила Раичку.

— Одинъ! — повторила она машинально.

— Одинъ да одинъ будетъ два! — вдругъ засмѣялся татаринъ и взялъ ее за руку.

Сашенька не поняла, что значить „будетъ два“, но не показала, а закинувъ голову, стала задорно смѣяться.

Татаринъ удивился и выпустилъ руку.

— Надо быть Карменъ — вспомнила Сашенька.

— Вы способны на безуміе? — спросила она, томно прищуривъ глаза.

— Нѣ знаю, нѣ приходилось. Я жилъ въ провинціи.

Не зная, что говорить дальше, Сашенька отколола свою розу и вертя ею около щеки, стала напѣвать:

„Маркита! Маркита! Красотка моя!...“

Татаринъ смотрѣлъ грустно.

„Скучно тѣбѣ, что ты пѣть долженъ? Тяжело тѣбѣ?“

— Ха-ха! Я обожаю пѣсни, танцы, вино, разгуль. Хо! Вы меня еще не знаете!

Розовыя лампочки, мягкій диванъ, цвѣты на столахъ, томное завываніе жазъ-банда, вино въ серебрянномъ ведрѣ. Сашенька чувствовала себя красавицей-испанкой. Ей казалось, что у нея огромные, черные глаза и властные брови.

Красотка Маркита.

— У тебя малшикъ хорошій, — тихо сказала татаринь.

Сашенька сдвинула „властныя“ брови. —

— Ахъ, оставьте! Неужели мы здѣсь сейчасъ будемъ говорить о дѣтяхъ, пеленкахъ и манной кашѣ. Подъ дивные звуки этого танго, когда въ бокалахъ искрится вино, надо говорить о красотѣ, о яркости жизни, а не о прозѣ. Я люблю красоту, безуміе, блескъ, я по натурѣ Карменъ. Я Маркита... Этотъ ребенокъ... я даже не могу считать его своимъ — до такой степени мое прошлое стало мнѣ теперь чуждымъ.

Она вакхически закинула голову и прижала къ губамъ бокалъ. И вдругъ душа тихо заплакала.

— Отреклась! Отреклась отъ Котьки! Отъ худенькаго, отъ голубенькаго, отъ бѣднаго...

Татаринь молча высосалъ два бокала одинъ за другимъ и опустилъ носъ.

Сашенька какъ-то сбилась съ толку и тоже молчала.

Татаринь спросилъ счетъ и всталъ.

По дорогѣ въ автомобилѣ ѣхали молча. Сашенька не знала, какъ наладить опять яркій разговоръ. Татаринь все сидѣлъ, опустя носъ, будто дремалъ.

— Онъ слишкомъ много выпилъ, рѣшила она. И слишкомъ волновался. Милое въ немъ что-то. Я думаю, что я его ужасно люблю.

Разставаясь, она многозначительно стиснула его руку.

— До завтра... да?

Хотѣла прибавить что-нибудь карменное, да такъ ничего и не придумала.

Дома встрѣтила ее жиличка съ флюсомъ — Вашъ мальчишка хнычетъ и злится. Сладу нѣтъ. Я больше никогда съ нимъ не останусь.

Въ полутемной комнатѣ, подъ лампой, обернутой въ газетную бумагу, на огромной парижской „національной“ кровати сидѣлъ крошечный Котька и дрожалъ.

Увидя мать, онъ затрясся еще больше и завизжалъ:

— Гдѣ ты плопадала, дулица!

Сашенька схватила его на руки, злого, визжащаго и шлепнула, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ заревѣть, сама заплакала и крѣпко прижала его къ себѣ.

— Ничего... потерпи, батюшка милый. Немножко еще потерпи. И насъ съ тобой любятъ, и насъ отогрѣютъ. Теперь ужъ не долго...

На другое утро хозяинъ Сашенькинаго кафѣ встрѣтилъ на улицѣ Асаева.

Татаринь плелся уныло, щеки синія небритыя, глазъ подпухъ.

— Чего такой кислый? Придешь къ намъ сегодня?

Татаринь тупо смотрѣлъ вбокъ. —

— Нѣтъ. Кончена.

— Да ты чего такой? Неужто Сашенька отшила?

Татаринь махнулъ рукой.

— Она... ты не знаешь. Она — дѣмонъ. Ашибка вышла. Нѣтъ. Нѣ придю. Кончена!

Тѣффи.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Р О Ж Ь.

Изъ книги „Взвиренная Русь“.

(1919 — 1920).

— Скажите, Яковъ Гаврилычъ, гдѣ бы мнѣ ржи достать?

— А вамъ зачѣмъ?

— Да у насъ вмѣсто хлѣба все овесъ выдаютъ, надоѣло; хочу изъ ржи кашу дѣлать. Вонъ И. А. Рязановскій эту самую кашу, какъ лакомство, употребляетъ. Только что тяжело-вато, говорить, а каша хорошая.

— На Знаменской попробоватъ, если...

Яковъ Гаврилычъ книжный человекъ, своя лавка — и новыя книги и старыя, все что хотите — но онъ и въ этомъ дѣлѣ понимаетъ: Яковъ Гаврилычъ первый присоединился къ лозунгу — „безъ аннексій и контрибуцій!“

— Яковъ Гаврилычъ, достаньте, пожалуйста, Я по такимъ мѣстамъ не хожу: меня вездѣ чего-то боятся. И на счетъ табаку...

— Этотъ номеръ не пройдетъ, табаку не могу, некурящій, а ржи постараюсь.

Я отложилъ книги, какія у меня были понаряднѣе — съ книгами приходится разставаться! — отсчиталъ мнѣ Яковъ Гаврилычъ денегъ за нихъ тысячи совѣтскими, связалъ книжки такъ, чтобы удобнѣе на санки положить, и мы простились.

— До свиданія, Яковъ Гаврилычъ, большое вамъ спасибо!

— До свиданія-съ! До будущаго воскресенья.

А я ему еще разъ вдогонку:

— Ржи-то!

— — —

*

Въ воскресенье опять я отложилъ книги, какія повиднѣе. Послѣ обѣда пришелъ Яковъ Гаврилычъ, забралъ книги, а вмѣсто тысячъ — пакетъ ржи.

И вотъ, когда я пересыпавъ рожъ въ коробку, свертывалъ бумагу — всякая бумажонка это драгоценность большая и зря бросать не годится! — вижу какіе-то знаки не то эфиопскіе, не то глаголическіе, и отложилъ листки. А вечеромъ пришелъ П. Е. Щеголевъ — „старѣйшій князь обезвелволпала!“ — разговорились о чемъ-то литературномъ, отошелъ я къ полкамъ книгу какую-то отыскать, а онъ, какъ всегда, „машинально“ листки-то эти подозрительные со стола взялъ — —

— Откуда, — говоритъ, — это у васъ такое?

— Что тамъ?

— Да это жъ обезьянье!

— Вотъ чудеса! — неужто обезьянье?

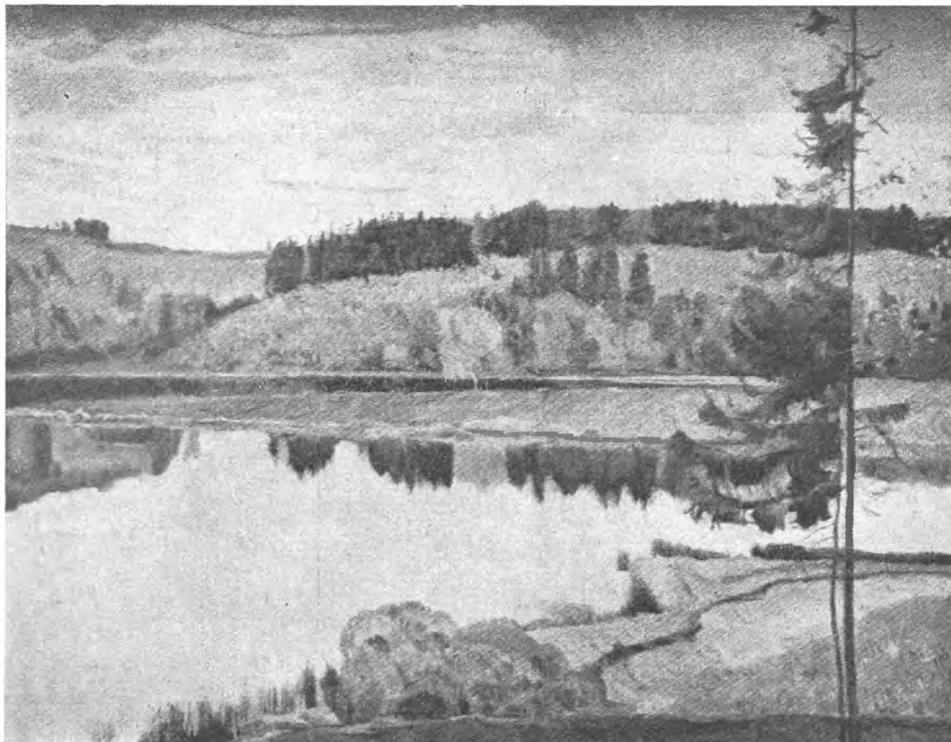
И сѣли мы съ нимъ разбирать знаки — не то эфиопскіе, не то глаголическіе — обезьяньи:

АКАД. М. В. НЕСТЕРОВЪ.

„ВИДѢНІЕ СВ. ЗОСИМЫ СОЛОВЕЦКАГО“.

М. В. Нестеровъ.

„Осенній день“.

„донесеніе обезьяняго посла обезьяней вельможъ“.

* * *

„— спѣшу увѣдомить тебя, другъ мой, что положеніе дѣлъ въ великой бѣлой имперіи страшно измѣнилось: всѣ люди вышли изъ скотскихъ загоновъ и объявили, что они ч е л о в ѣ к и, но при этомъ они стали разбрасывать нечистоты на „площадяхъ и улицахъ, утверждая, что во всеобщемъ засореніи заключается истинная свобода. Вожди ихъ говорили, что людей единственно можно убѣждать, отказавшись отъ всякаго принужденія, поэтому никто никого не сталъ слушаться. И каждый сталъ дѣлать, что хотѣлъ. Ты знаешь, что у насъ, въ обезьяньемъ царствѣ, свободно-выраженная анархія, но она подчинена строгимъ правиламъ и работаннымъ формамъ, которыми каждый подчиняется совершенно свободно. Напримѣръ, хотя бы при переправѣ черезъ рѣку — всѣ берутъ одинъ другого за хвостъ и такимъ образомъ переплываютъ цѣпью. Каждый понимаетъ, что иначе переправиться нельзя, либо онъ утонетъ. Слабыя же дѣти переходятъ по живому мосту сплетенныхъ обезьянь. Представь себѣ у людей — этихъ напыщенныхъ дураковъ! совсѣмъ иначе: они стали не облегчать себѣ жизнь, а затруднять, причиняя всевозможныя насилія во имя свободы и заставляя каждого заниматься несвойственнымъ ему дѣломъ. Особенно намъ, интеллигентнымъ обезьянамъ было смѣшно, какъ писатели скалывали ледъ на улицахъ и разгружали барки съ дро-

вами. Нѣтъ, я никогда не унижусь до того, чтобы когда-нибудь захотѣть стать „человѣкомъ, какъ объ этомъ мечтала моя бабушка, находившаяся въ крѣпостномъ состояніи у бывшаго барона фонъ-Пфиферганга въ городѣ Штумбенбургъ. Мы видимъ противоположное явленіе: наиболѣе почтенные изъ людей съ удвольствіемъ отказываются отъ своего „человѣческаго достоинства и, переходя въ наши ряды, становятся подданными великаго Асыки. Нужно сказать правду, превратиться изъ человѣка въ обезьяну не такъ трудно, хотя и не легко отказаться отъ предразсудковъ, связанныхъ со чванной „человѣческой породой. Преимущества же обезьянь, если взглянуть трезво, безусловно выше человѣческихъ — —

* * *

„Обезьянье свидѣтельство замѣняетъ визы во всѣ государства и даетъ безконтрольный пропускъ въ лѣса, въ поля, въ болота и прочія трущобы всего „земного шара. Дано сіе свидѣтельство кавал. обез. зн. (имя рекъ) въ томъ, что онъ поименованный кавал. обез. зн. имѣетъ неограниченныя права переходить, переѣзжать и перелетать всѣ границы и черезъ любую заставы, поставленныя „свободолюбивыми“ человѣческими ячейками, и не связанъ никакими обязательствами и клятвами и никому ничего не долженъ — воленъ дѣлать, что хочетъ, и думать, какъ взбредетъ въ голову, храня хвостъ.

Алексѣй Ремизовъ.

ПО БЪЛУ СВѢТУ.

Пріѣздъ труппы во главѣ съ Н. О. Массалитиновымъ.

ПРАЖСКАЯ ГРУППА АРТИСТ. МОСК. ХУД. ТЕАТРА.

Пражская группа артистовъ Московск. Художеств. Театра, сохранившая въ лицѣ М. Н. Германовой и М. О. Массалитинова (ея руководитель) свою преемственность со славными традиціями труппы К. С. Станиславскаго, въ прошломъ году открыла свою дѣятельность въ Виноградскомъ театрѣ въ Прагѣ. Поставленныя пьесы („Битва жизни“, „На днѣ“, „Женщина съ моря“, „Братья Карамазовы“, „Женитьба“) имѣли шумный успѣхъ не только у русской публики, но и у чеховъ, искренно

Пріѣздъ М. Н. Германовой.

привѣтствовавшихъ проводниковъ русскаго театральнаго искусства заграницей въ славянской Прагѣ.

Особенно интересной была постановка „Медеи“ съ М. Н. Германовой въ главной роли, постановка, которая явилась попыткой сочетанія принциповъ Моск. Худ. Театра съ новѣйшими теченіями въ искусствѣ.

Труппа пополнилась и молодежью, которая подъ руководствомъ М. Н. Германовой, ведетъ дѣятельную работу въ специальной студіи. Къ сожалѣнію, чрезвычайно трудныя условія, въ которыхъ приходится работать славнымъ актерамъ, не даютъ имъ возможности сосредоточить всю работу въ Прагѣ, и руководители театра все время отрываются гастрольными спектаклями, преимущественно на Балканахъ.

Въ текущемъ сезонѣ М. О. Массалитиновъ приглашенъ на рядъ постановокъ въ Бѣлградскій Королевскій Театръ. Труппа и въ полномъ составѣ выѣзжаетъ на гастроли въ Сербію и Болгарію. Помѣщаемыя фотографіи и рисуютъ одинъ изъ пріѣздовъ артистовъ во главѣ съ М. Н. Германовой въ Софію, гдѣ ея выступленія всегда сопровождаются исключительнымъ успѣхомъ.

Л А Т В І Я.

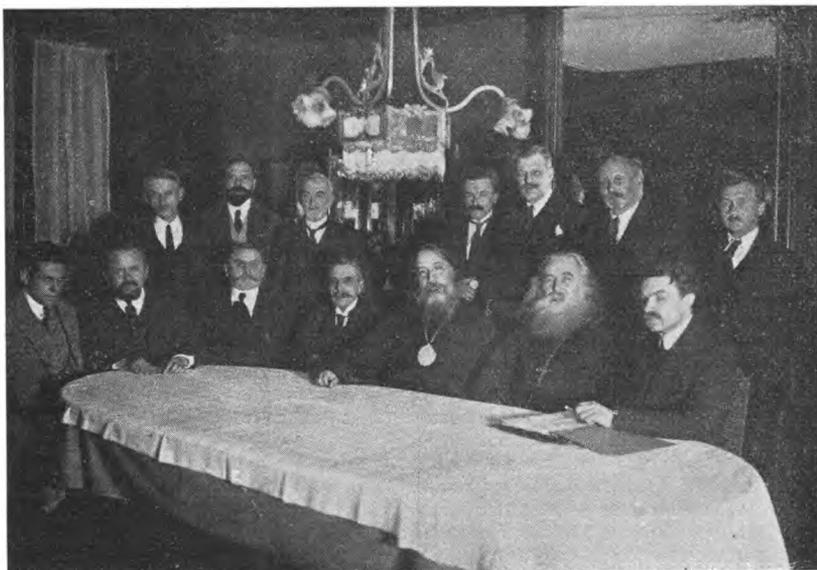

Первое засѣданіе Сейма.

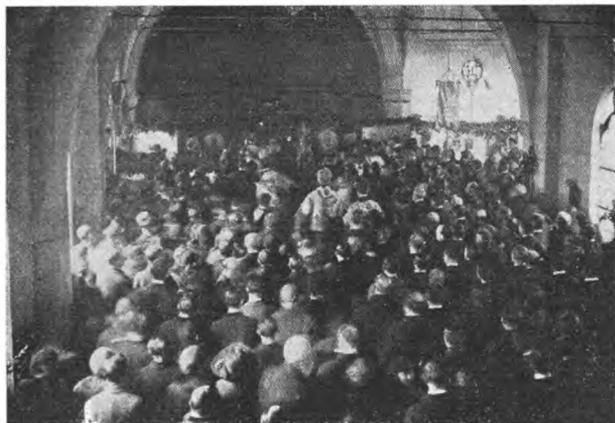
ФРАНЦІЯ.
Русскій Православный Богословскій Институтъ въ Парижѣ.

Митрополитъ Евлогій—глава русской правосл. церкви за границей.

Строительный комитетъ.

Освященіе.

Общій видъ Института.

Группа участниковъ торжества.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ ПЕТРУ БЕРНГАРДОВИЧУ СТРУВЕ ко дню тридцатипятилѣтія его научно-публицистической дѣятельности. Прага 1925 г.

Книга, изданная ближайшими учениками и сотрудниками П. Б. Струве по случаю его 35-лѣтняго юбилея не есть только актъ вниманія къ выдающемуся русскому ученому и публицисту — она является въ то же время цѣннымъ вкладомъ въ современную научную литературу. Въ соответствии съ широкой эрудиціей П. Б. Струве посвященный ему сборникъ отличается разнообразіемъ и богатствомъ содержанія. Сборникъ раздѣленъ на четыре самостоятельныхъ отдѣла и заключаетъ въ себѣ какъ статьи чисто-теоретическаго характера, такъ и опыты научнаго разрѣшенія многихъ практически интересныхъ вопросовъ.

Наиболѣе богато поставленъ въ книгѣ отдѣлъ экономики и статистики. Статьи О. Андерсона („о методѣ послѣд. конечныхъ разностей“), Н. Доминскаго („проблема конъюнктуры въ связи съ ученіемъ о кризисахъ“) Н. Жекулина („Количественная теорія денегъ“), П. Савицкаго („Метафизика хозяйства“) и А. Чупрова („мѣсто понятія цѣнности въ статистической теоріи цѣны“) затрагиваютъ наиболее сложныя экономическія проблемы, отчасти примыкая къ научнымъ выводамъ почтеннаго юбиляра, отчасти только исходя изъ нихъ для самостоятельныхъ построений. Критическій характеръ носить статья С. Кона — „О „статистификаціи“ въ полит. экономіи“.

Большинство другихъ статей по содержанію своему непосредственно касаются современнаго экономическаго строя Россіи. Б. Бруцкусъ въ статьѣ „Русскій аграрный кризисъ“ рисуетъ постепенное отмирание общины среди русскаго крестьянства, отказъ послѣдняго отъ „чернопередѣльской психологіи“ и устремленіе къ порядку индивидуальнаго хозяйствованія, предусматривавшаго еще, такъ называемой, Столыпинской реформой. Статья М. Бернацкаго анализируетъ со статической и динамической точки зрѣнія Совѣтскую денежную реформу 1922 г., обреченную на неуспѣхъ, благодаря отсутствію внутренняго единства и согласованности въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Вопросамъ послѣвоенной организаціи земельныхъ кадастровъ посвященъ очеркъ Садовскаго, основывающійся главнымъ образомъ, на аграрномъ законодательствѣ Чехословакіи.

Съ большимъ подъемомъ написана статья А. Билимовича — „Пафосъ хозяйствованія“; авторъ видитъ въ хозяйствѣ не только средство и базу духовной культуры, но и самостоятельную часть культуры; по мнѣнію Билимовича хозяйство призвано вносить „софійность“ въ матеріальную жизнь, а потому оно является особымъ видомъ человѣческаго творчества.

Второй отдѣлъ книги посвященъ вопросамъ права. Тонкій разборъ юридической природы государства даетъ К. Зайцевъ, отвергающій одностороннее представленіе государства, какъ субъекта, объекта или правоотношенія и усматривающій въ немъ сложную совокупность элементовъ единства и системы.

Въ большой, убѣдительно написанной статьѣ А. Изгоевъ раскрываетъ историческую сущность и значеніе общиннаго права, считая его одной изъ главныхъ причинъ русской соціальной революціи, побѣдившей въ 1917 году.

О духовной цѣнности права говорить въ своей статьѣ („о пріятіи права“) И. Ильинъ. Отрицая современное возрѣніе на право, какъ на предписаніе внѣшне уполномоченнаго авторитета, Ильинъ настаиваетъ на необходимости внутренняго, принципиальнаго пріятія права, подчиненія ему не путемъ слѣпной покорности а на основѣ добровольнаго и самодѣтельнаго опредѣленія себя въ духовной жизни.

П. Гронскій изслѣдуетъ юридическую природу СССР. На основаніи изученія такъ называемой Совѣтской Союзной Конституціи авторъ приходитъ къ выводамъ, что СССР съ юридической точки зрѣнія не можетъ быть признанъ ни государствомъ вообще, ни федераціей въ частности. Какъ государство оно не обладаетъ постоянной территоріей и постояннымъ населеніемъ, устремляясь къ интернациональному объединенію всѣхъ трудящихся. Федеративное же устройство нарушено тѣмъ, что „вышіе органы „суверенныхъ“ республикъ — членовъ федераціи поставлены подъ бдительный надзоръ внимательнаго ока центральной власти въ Москвѣ“.

Статья Н. Тимашева знакомитъ съ различными теоріями права на наказаніе и на исполненіе приговора.

Очень разностороненъ историческій отдѣлъ книги. Тамъ мы встрѣчаемъ очерки изъ русской исторіи (Вернадскаго, Нольде, Остроухова), характеристику знаменитаго русскаго публициста XVI ст. Ивана Пересвѣтова (Киевветеръ), статью о Моратѣ (Левина) и другія.

Послѣдній отдѣлъ книги составляютъ методологія, философія и религія. Здѣсь Н. Лосскій даетъ сжатый, но отчетливый очеркъ интуитивизма, который противопоставляется имъ современной реалистической философіи. На тѣхъ же метафизическихъ началахъ построена интересная статья Франка — „я и мы“. Н. Бердяевъ останавливается на взаимоотношеніяхъ социализма съ христіанскомъ ученіемъ. Кромѣ того въ этомъ отдѣлѣ книги помѣщены: статья С. Булгакова по богословію, А. Карташева о смыслѣ старообрядчества и философскіе этюды Ландау, Флоровскаго и Михалчева.

Въ краткомъ отчетѣ нѣтъ возможности подробнѣе остановиться на содержаніи этой замѣчательной книги. При всемъ многообразіи затрагиваемыхъ ею научныхъ интересовъ — она представляетъ изъ себя нѣкое духовное единство — ибо всѣхъ авторовъ связываетъ близость къ П. Б. Струве. Вліяніе этой огромной по силѣ таланта, духовному кругозору и нравственному подъему личности чувствуется на каждой страницѣ юбилейнаго сборника.

К. Р.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

В. Романовскаго

РИГА, Вальдемара 17, тел. 46-70.

Книги по всѣмъ отраслямъ знаній.

Регулярное поступленіе всѣхъ новинокъ. Большой выборъ книгъ довоенныхъ изданій.

При магазинѣ постоянная выставка картинъ.

„Перезвоны“ № 4 выходятъ 28 ноября.

Содержаніе: А. Даманская — „Плонжейръ“, Вл. Ладыженскій — „Изъ альбома Жиронды“. Ив. Лукашъ — „Поликсена“ (изъ рассказовъ дѣда о Гоголѣ). А. Черный — „Хохлушка“ (акварель). Проф. Н. И. Мишеевъ — „К. А. Коровицъ“. „Дѣтскій уголокъ“. „По бѣлу свѣту“. „Русс. книга“. „Искусство“ (юбилей Латв. худ. театра).

Въ иллюстраціяхъ — картины К. А. Коровина, двѣ — въ краскахъ: „Марсель“ и „Дама съ яблоками“.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

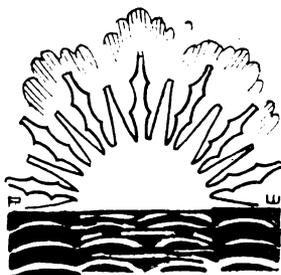
ГУСЛИ.

Въ полдень, въ воздухъ, въ Россіи,
Въ день іюля долгій гуль.
Волшебство двойной стихии,
Свѣтъ со звукомъ гусли ткуть.

Вотъ, замрешь. Глядишь. Не дышешь.
Не поймешь никакъ въ мечтѣ,
Это-видишь или слышишь
Гусли въ синей высотѣ?

Это-видно или слышно,
Какъ мелькають струны здѣсь?
Міръ цвѣтетъ истомно-пышно,
Садъ расцвѣтшій-воздухъ весь.

И на гусяхъ высочайшихъ
Славить Солнце свой пожаръ.
И на гуселькахъ тончайшихъ
Славить жизнь свою комаръ.

САМОВАРЪ.

На вечерьющемъ балконѣ
Собрались всѣ, и малъ, и старъ.
Сближаетъ всѣхъ въ одномъ законѣ
Кипящій буйно самоваръ.

Цвѣтутъ лиловыя сирени,
Чеканитъ золото закатъ.
И въ мысляхъ разгоняетъ тѣни
Китайской травки ароматъ.

Возможно-ль ссориться за чаемъ?
Мы слишкомъ цѣнимъ этотъ даръ.
И никогда мы не скучаемъ,
Едва запѣлъ намъ самоваръ.

Въ насъ точно ткань стихотворенья,
Въ насъ точно будятъ свѣтъ зари
И банки краснаго варенья,
И бѣлый хлѣбъ, и сухари.

О, чайное такъ дружно вѣче.
Идетъ отъ чашекъ тонкій паръ.
И сердце съ сердцемъ — въ доброй встрѣчѣ,
Когда поетъ намъ самоваръ.

Богатыри святорусскіе.

II.

Добрыня Никитичъ.

Какъ идетъ Добрынюшка Никитичъ
На веселый пиръ ко князю ко Владиміру,
Онъ приходитъ въ гридню княженецкую
Гдѣ стоятъ столы дубовые,
Стланы скатерти шелковыя,
Поразложены явства сахарныя,
Поразставлены напитокки медвяныя, —
Крестъ кладетъ онъ по писанному,
Поклоняется на всѣ четыре стороны,
Князю со княгинею въ особину.
Проводили гостя во большой уголъ
Во большой уголъ, въ мѣсто большее.
Всталъ тутъ ласковый Владиміръ князь,
На своихъ богатырей посматриваль,
Пословечно имъ выговариваль:
„Ай вы сильные богатыри могучіе
Хоть идетъ у насъ пиръ на-веселѣ,
Самому-то мнѣ Владиміру, не весело
Унесла змѣя проклятая Горынчище
У меня любимую племянницу
Младую Забаву дочь Путятичну,
Вы подумайте-ка, братцы, посоветуйтесь:
На кого бы мнѣ накинуть служебку,
Служебку не малую, великую,
Сѣздить на ту гору Сорочинскую,
Ко пещерушкамъ змѣинымъ
Отыскать-добыть любимую племянницу?“
То услышавши изъ за стола за средняго
Вышелъ молодой Алешенька Леонтьевичъ:
„Гой ты, батюшка Владиміръ стольно-кѣвскій,

Былъ вчера я въ полѣ, въ полѣ чистомъ
Видѣлъ у Пугай-рѣки Добрынюшку;
Съ змѣищемъ Горынчищемъ енъ дрался-ратился,
Покорилася змѣя ему, винилася,
Называла братцемъ большимъ,
Нарекалася сама сестрою меньшею.
Ты пошли-ка на ту служебку Добрынюшку“.
И сказалъ на то князь Владиміръ стольно-
кѣвскій;

„Ай-же ты Добрынюшка Никитичъ,
Ты садись-ка на добра коня,
Поѣзжай-ка на ту гору Сорочинскую
Ко пещерушкамъ змѣинымъ,
Добывай-ка мнѣ любимую племянницу,
Молодую Забаву Путятичну“.
Ни словечка на тѣ рѣчи Добрыня не отвѣт-
ствовалъ,

Всталъ изъ-за столовъ дубовыхъ,
Вышелъ изъ-за скамеечекъ окольныхъ,
Отдалъ князю великое почтеніе
И пошелъ ко своимъ палатамъ бѣлокаменнымъ,
Поклонился до земли родной матушкѣ,
Честной вдовѣ Афимѣ Александровнѣ,
Осѣдлалъ своего коня добраго
Да и въ путь — дорогу выѣхаль.
Отломилась вѣточка съ садовой яблоньки
Откатилось яблочко отъ яблоньки,
Отъѣзжаетъ сынъ отъ родной матушки
Въ чужедальную сторонушку.
Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку,

Ёдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу
 Въѣхаль на ту гору Сорочинскую,
 Сталь топтать поганныхъ онъ, змѣенышей.
 Самому Горынчищу отрубиль онъ всѣ головы
 — Было ихъ три у змѣи Горынчища —
 Разрубиль ее на части мелкія,
 Раскидалъ ихъ по полю чистому.
 Тутъ сошелъ Добрынюшка Никитычъ младъ
 Ко пещерушкамъ змѣинымъ.
 Онъ желѣзныя подпоры прочь откидываль,
 Мѣдныя затворы вонъ отдвигиваль
 И вошелъ въ пещерушку змѣиная.
 А сидитъ тамъ полонѣвъ-то много-множество
 Съ сорока земель царей, царевичей,
 Съ сорока ли королей да королевичей,
 А простой-то силушки и смѣты нѣтъ.
 И сказалъ имъ всѣмъ Добрынюшка Никитычъ
 „Ай же вы, цари, царевичи,
 Короли, да королевичи,
 Ты, простая силушка несмѣтная!
 Выходите ка на Божью волюшку,
 Расходитесь по своимъ мѣстамъ,
 По своимъ мѣстамъ да по своимъ домамъ“.
 Вышли всѣ, да не видать одной Забавушки.
 И вошелъ тогда Добрыня во пещерушки,
 Онъ прошелъ ихъ до послѣдней до двѣнадцатой
 Только тутъ нашель Забавушку Путятичну
 Ко стѣнѣ руками врозь приковану.
 Разорвалъ оковы онъ желѣзныя,
 Взялъ ее за бѣлыя рученьки,
 И на Божій вывелъ свѣтъ онъ красную дѣ-
 вушку.
 „Ай же ты, Забава дочь Путятична!

Для тебя я ѣздиль — странствовалъ,
 Для тебя съ змѣею бился-ратился
 Мы поѣдемъ-ка теперь во Кіевъ градъ
 Къ твоему ко дядюшкѣ любимому,
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.

III.

Алеша Поповичъ.

Какъ изъ славнаго Ростова, красна города
 Не ясенъ соколъ со соколиномъ вылетывомъ
 Выѣзжали два богатыря могучихъ
 А по имени Алешенька Поповичъ да Екимъ
 Ивановичъ.

Какъ наѣхали они на три дороженьки
 Промежду дороженекъ горючъ камень лежитъ,
 А на камнѣ подписи подписаны:
 „Первая дороженька на Муромъ градъ,
 А другая на Черниговъ градъ
 Третья ли ко городу ко Кіеву
 Къ ласковому князю ко Владиміру“.
 Повернули добрыя молодцы коней своихъ
 И поѣхали ко городу ко Кіеву.
 Не доѣхавши до славной до Сафатъ-рѣки
 Становились они на ночь на лугахъ зеленыхъ,
 Покормить своихъ добрыхъ коней стреноживши,
 Сами въ шатеръ легли опочивъ держать,
 Какъ прошла та ночь осенняя,
 Ото сна Алеша пробуждается,
 Возстаетъ онъ рано-ранешенько,
 Утренней зарею умывается,
 Бѣлою ширинкой утирается,
 Ко востоку Богу молится.

В. Вас нецовъ.

„Витязь“.

Подошеть къ нимъ тутъ калика перехожая;
 Лапки на немъ семи шелковъ
 Подковыренныя чистымъ серебромъ
 Передокъ унизанъ краснымъ золотомъ,
 Шуба соболиная да долгополая,
 Шляпа земли греческой
 Шелепуга подорожная въ тридцать пудъ
 Говорить ему калика перехожая:
 „Ой вы гой еси, удалы добры молодцы,
 Видѣлъ я за славной за Сафать-рѣкой.
 Молода Тугарина Змѣвича:
 Въ вышину-то онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
 Промежь плечь-то у него косая сажень,
 Промежь глазъ-то калена стрѣла,
 Конь крылатый подъ Тугариномъ какъ лютый
 звѣрь
 Изъ хайлица-то огонь пышетъ
 Изъ ушей-то дымъ столбомъ валить!
 Привязался тутъ Алешенька Поповичъ младъ:
 „Ай ты, братецъ мой, калика перехожая!
 Дай свое мнѣ платице каличее,
 Самъ возьми мое да богатырское“.
 Не отказывалъ калика перехожая,
 Наряжается Алешенька каликою,
 Онъ беретъ съ собою шелепугу подорожную
 И идетъ за славную Сафать-рѣку.

Какъ завидѣлъ Тугаринъ Алешеньку,
 Заревѣлъ онъ зычнымъ голосомъ:
 „Ай ты гой еси, калика перехожая!
 Не слыхалъ ли ты, да не видалъ ли гдѣ
 Про Алешу про богатыря Поповича?
 Я бѣ Алешу закололъ копьемъ.
 Говорить Алешенька Каликою:
 „Ай ты гой еси, Тугаринъ сынъ Змѣвичъ
 Подѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу;
 Не слыхать мнѣ издали, что ты говоришь“.
 Подѣзжалъ тутъ къ нему Тугаринъ-Змѣвичъ.
 Какъ сверстался младъ Алеша съ Тугариномъ
 Шелепугой ему расшибъ голову,
 Привязалъ его къ стременамъ лошадинымъ
 И повезъ ко городу ко Киеву онъ чудовище.
 Какъ увидѣлъ его Владиміръ князь ласковый
 Вышелъ къ нему на крыльцо красное,
 Проводилъ его въ гридни свѣтлыя
 И сказалъ ему приговаривая:
 „Гой еси, Алешенька Поповичъ младъ!
 Ты живи-ка у насъ теперь въ Киевѣ
 Послужи-ка мнѣ князю Владимиру;
 До любви я тебя за это пожалѣю“.
 Такъ про молодого Алешу старику поютъ
 Старикамъ въ похвальбу, молодымъ въ послу-
 шаніе.

Конецъ.

СКАЗКА В. ДАЛЯ.

СЧАСТЬЕ.

Въ тридцатомъ царствѣ, за тридевять зе-
 мель, у славнаго, могучаго и богатаго царя
 была однимъ-одна дочь, въ которой онъ души
 не чаялъ. А на ту страну напало, попущеніемъ
 Божиимъ, злое повѣтріе, отъ котораго многое
 множество народа погибло. Вотъ и дочь цар-
 ская заболѣла отъ этого мороваго повѣтрія,
 отъ котораго не могъ избавиться зельями и
 снадобьями ни одинъ человѣкъ: а кто забо-
 лѣветъ, тотъ и помретъ.

Сталъ царь вызывать со всѣхъ концовъ
 царства знахарей, которые собираютъ зелья и
 травы, и коренья цѣлебныя, и обѣщаль осы-
 пать золотомъ того, кто вылечитъ его дочь.
 Одинъ, никому неизвѣстный старикъ явился къ
 царю и сказалъ ему: „Коли хочешь, чтобы
 дочь твоя жива была, то прикажи найти въ
 твоёмъ царствѣ довольнаго и счастливаго че-
 ловѣка, который былъ бы доволенъ и счаст-
 ливъ своею судьбою и ничего бы болѣе не
 просилъ; съ этого человѣка сними рубаху и
 надѣнь ее на царевну, и она оживетъ“.
 И побѣжали гонцы во всѣ концы царства.

Извѣдали всѣ города, палаты и дворцы, всѣ
 барскія усадьбы и крестьянскія избы, всѣ
 углы и закоулки, всѣ улицы и переулки, тор-
 ные пути и захоластья, рѣдники и трущобы,
 города и пригороды, села, приселки и выселки
 — нѣтъ у сильнаго, могучаго царя счастливаго
 и довольнаго подданнаго. Кто и доволенъ бы

судьбой, да денегъ мало; кто и богатъ, да хо-
 тѣлось бы еще быть побогаче; у кого семья хо-
 роша, да сосѣди не годятся; кто работы про-
 сить, кто досужества, кто знати, кто богатства,
 кто здоровья!

Царь неутѣшно скорбѣлъ и въ отчаяніи уже
 прощался съ дочерью своею, какъ вдругъ раз-
 дались крики: „нашли, нашли!“ Дворецъ цар-
 скій ровно снова ожилъ и стѣны, и простѣнки,
 и золоченая кровля, и богатые подвалы — все
 и всюду ожило; всѣ радовались, что царевна
 спасена будетъ — и всѣ тѣснились и толпились,
 чтобы видѣть блаженнаго и счастливаца. Кто
 онъ? Гдѣ онъ? Подайте его сюда, покуда
 еще время; да гдѣ его отыскали, отколѣ онъ
 взялся?.. Что нужды до этого — благо нашли
 и привели: онъ здѣсь, и царевна будетъ спа-
 сена. Не въ каретѣ онъ, не въ шелку — а
 нищій, въ худой одеждѣ.

— Я тебя озолочу, — сказалъ ему царь, и
 покупаю одну только твою рубаху за какую
 хочешь цѣну: проси, что хочешь.

— Да меня и рубахи-то нѣтъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Какъ нѣтъ? Рубахи нѣтъ? Сними съ
 себя, отдай мнѣ послѣднюю, а я тебя за это
 золотомъ засыплю!

— Да то-то нѣтъ ея, нѣтъ ни на мнѣ, ни
 за мною! Была когда-то давно, да вся ист-
 лѣла, износилась — я ее и кинулъ...

* * *

Гл. складъ Б. Грѣшная № 24, тел. 75-62.

Kolonial prečü IMPORTS
Kolonialwaren

Кино - Варьетэ
„Маринэ“ Анонсь!

Въ скоромъ времени
бенефисъ Ив. Руден-
кова и Эд. Плевичкаго
(Новое Revue!)

Любители находятъ, что

ШТРЕМЕРСА китайскій цвѣточный чай (этикетъ „Золотой танго-слонъ“)
наивысшій по качеству и превосходный по аромату.

Отъ Издательства „Перезвоховъ“ Акціонернаго
Общества Печатнаго Дѣла „Саламахра.“

Въ виду поступившихъ въ Издательство запросовъ о
помѣщенномъ въ Отдѣлѣ рекламъ журнала объяв-
леніи о предполагающемся выходѣ изданія „Новая
Нива“, Издательство „Перезвоны“ настоящимъ доводитъ
до всеобщаго свѣдѣнія, что оно никакого отношенія
къ означенному изданію не имѣетъ.

6-טער יארגאנג.

„דאס פאלק“

די איינציגע אידישע צייטונג אין לעטלאנד און עסטלאנד.

„דאס פאלק“ איז די באליבסטע און פאר-
שפרייטסטע אידישע צייטונג אין גאנץ באל-
טיקום איינשריטלעך לייטע.
„דאס פאלק“ ערשיינט מעגלעך אין 6 גרויסע
זייטן, פרייטיק אין 10 זייטן מיט א ספעציעל.
הומאריסטישער ביילאגע „דער לץ“
„דאס פאלק“ איז א אומפארטייאישע דעמא-
קראטישע צייטונג, וועלכע ווידמעט דעם
אופבוי פון א״י א בכבודיקן פלאץ.
„דאס פאלק“ אינפארמירט דעם לעזער אפן
שנעלסטן אופן וועגן דעם אידישן לעבן אין
סאָוועטן רוסלאנד.
„דאס פאלק“ גיט דעם לעזער א רייכן אינמע-
האלטונגס-מאטעריאל און אַפּטע ליטערארישע
אין עקאָנאָמישע אפהאַנדלונגען.

אבאנעמענטס-פרייז: אין לעטלאנד 140 רובל אַ חודש, אין
ליטע 7 ליט, אין עסטלאנד 250 עסטנישע מאַרק, אין
אויסלאנד 70 אמעריקאנער צענט.

אדרעס: Rigā, „Dos Folk“, Sl. Sk. 318.

Въ Ригѣ вышла въ свѣтъ въ издательствѣ Акціонернаго О-ва Печатнаго Дѣла „САЛАМАНДРА“ новая большая русская національно-демократическая газета подъ главнымъ редактированіемъ Ивана Лукаша

Слово

Въ „Словѣ“ участвуютъ писатели:

М. Арцыбашевъ,
А. Амфитеатовъ,
В. Амфитеатовъ-Кадашевъ,
акад. Ив. Бунинъ,
Н. Бережанскій,
Б. Зайцевъ,
П. Красновъ,
А. Купринъ,
С. Кречетовъ,

Въ „Словѣ“ участв. общественные дѣятели и ученые:

проф. А. А. Ильинъ,
проф. А. В. Карташевъ,
кн. Д. Ливень,
еп. Тихонъ Берлинскій,
Ив. Лукашъ,
Б. Неандеръ,
Вл. Сиринь,
Ал. Ремизовъ,
Ив. Шмелевъ,
А. Черный и др.
проф. А. Пиленко,
А. С. Хрипуновъ
и др.

Собственные корреспонденты „Слова“:

Въ Лондонѣ — **Ариадна Тыркова.**
Въ Парижѣ — **А. А. Борманъ.**
Въ Нью-Йоркѣ — **М. И. Печковскій.**
Въ Берлинѣ — **А. А. фонъ Лампе,**
Н. Лидарцева,
С. Лоскій.
Въ Римѣ — **В. С.**
Въ Прагѣ — **В. Амфитеатовъ-Кадашевъ и Боми.**
Въ Варшавѣ — **Н. Съдовъ.**
Въ Копенгагенѣ — **Л. Т.**
Въ Женевѣ — **А. Л.**
Въ Балканскихъ государствахъ — **проф. В. Х. Даватцъ**
и Н. Э. Рыбинскій.

Приглашены къ участию въ „Словѣ“ русскіе — депутаты Сейма Латвіи.

Приглашены къ участию въ „СЛОВѢ“ представители Латвійской общественности и литературы.

Редакція „СЛОВА“ помѣщается по Бл. Кузнечной 43,
типографія Акц. Общ. Печатн. Дѣла „Саламандра“.

Пріемъ объявленій въ „СЛОВѢ“ открытъ — въ конторѣ, Б. Кузнечная 43.

Отъ редакціи „ПЕРЕЗВОНОВЪ“ къ читателямъ.

Редакція „ПЕРЕЗВОНОВЪ“ проситъ читателей высказаться, считаютъ-ли они желательнымъ продолженіе въ журналѣ — Отдѣла „ДѢТСКІЙ УГОЛОКЪ“, или считаютъ этотъ Отдѣлъ излишнимъ.

Въ непродолжительномъ времени Издательство „САЛАМАНДРА“ приступитъ къ изданію спеціальнаго дѣтскаго журнала для дѣтей старшаго возраста — „Юный читатель“, а „Дѣтскій уголокъ“ „Перезвоновъ“ могъ-бы обслуживать дѣтей болѣе младшаго возраста — лѣтъ до 10—12.

Просимъ читателей высказать вообще свои пожеланія о желательныхъ измѣненіяхъ въ характерѣ и содержаніи журнала.

Съ № 5 — журналъ „ПЕРЕЗВОНЫ“ увеличивается на 8 страницъ — съ 24 стр. текста до 32 стр. — съ повышеніемъ платы до 40 рублей за номеръ въ Латвіи и до 20 амер. центовъ за границей.

Редакція „Перезвоновъ“.

Генеральное представительство журнала „ПЕРЕЗВОНЫ“
в Польшу

Издательство, Книготорговля и Газетная Экспедиция

„ДОБРО“

Warszawa, Moza 45-8. Tel. 226-84.

Почтовый адрес: „Dobro“, Skrzynka 292, Warszawa.

Konto czekowe w P. K. O. Nr. 9668.

принимает подписку на „Перезвоны“ и объявления.

Подписная плата с доставкой в Польшу: на 1 мѣс. — 4 зл. 50 гр., на 3 мѣс. — 13 зл., на 1/2 года — 25 зл.

Т. П. Зельтынь, Рига

ИВАНОВСКАЯ УЛИЦА № 5

Телеф. 20-82. Почт. ящ. 856

предлагаетъ

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯМЪ, ЦИНКОГРАФИЯМЪ,
ПЕРЕПЛЕТНЫМЪ, ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧНЫМЪ,
СТЕРЕОТИПНЫМЪ И ПРОЧ. ЗАВЕДЕНИЯМЪ
ВСѢ НЕОБХОДИМЫЯ МАШИНЫ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

отъ наилучшихъ фирмъ.

Братья Поповы

Основ. въ 1788 г.

Рига, бл. Гръшная ул. 35

Телефоны:

Контора — 25-61

Складъ — 43-16

Стальн. отд. — 92-57, 52-92

Жельзн. отд. — 29-65, 65-28

Варшавскія кровати съ
пружин. матрацами
фабрики „Конрадъ Ярунш-
кевичъ и Ко.“

Алюминіевыя кухон-
ныя принадлежности.

Столовые принадлежн.
фабрики „Артуръ Круппъ“

Большой выборъ
плитъ и чугун. печей.

А. РАТФЕЛЬДЕРЪ, Сѣдельный мастеръ
бывш. И. Пардумъ, осн. 1875 г.
Рига, Известковая ул. 23. Тел. 61-45.

Дорожные спортивн. и военные принадлежности

Постоян. большой выборъ изъ собств.
мастерской по самымъ умерен. цѣнамъ.
Сундуки — чемоданы изъ кожъ и
Амер. Вулкан Фибри.
Дорожн. сумки, саквояжи и мѣшки.
Портфели. Бумажники. Ранцы.
Англ. военные ремни.
Гетры — стеки — футболы — бутцы.
Шпоры и петлицы оптомъ и въ роз-
вину и т. д. и т. д.

Заказы и починки исполняются точно и
аккуратно. Образцовые сундуки ис-
полняются только по мѣрки.

— Последняя мода въ дамскихъ сумкахъ —

Генеральное Представительство журнала
„Перезвоны“
въ Болгаріи

Книжная торговля и газетная экспедиция

Н. Алексѣева

СОФИЯ, В. Тырново 17

Оптика

ОКО

РИГА, ASPAZIJAS BULV. 8

Фотографія

А. В. МУХИНЪ ВЪ ВѢНѢ

Представитель по продажѣ журнала

„Перезвоки“

Генеральный представитель газеты

„The New Yorks Times“

для Австріи и Балканскихъ государствъ.

Представительство

**Русскихъ зарубежныхъ, германскихъ,
итальянскихъ и др. изданій.**

Розничная продажа по всей ВѢнѢ.

Приемъ подписки и объявленій.

СКЛАДЪ КНИГЪ.

A. MUCHIN,

Wien I, Petersplatz, 9 (Hotel Wandl).

Дѣятелей судебныхъ, административныхъ и коммунальныхъ учреждений рекомендуетъ:

Н. С. ТАГАНЦЕВА

Уголовное Уложеніе

22 марта 1903 г.

въ брошюр. Ls. 19,20

• коленкор. пер. • 29,—

• кожан. пер. • 25,20

Дисциплинарный Уставъ

Текстъ статей съ объяснительной къ нимъ запиской

Ls. 2.40

П. Н. ЯКОБИ

Постановленіе 12 января 1922 г.

объ

Условномъ Осужденіи

Текстъ закона съ комментаріями Ls. —.30

A. ŠMĚMANS

Dzimtsarakstu nodaju darbinieku rokas grāmata

Likumi, rikojumi un paskaidrojumi par civilstāvokļa
aktu reģistrācija Ls. 2.80

Издательство „Лета“

Рига, Кг. Varona ielā № 4.

Отдѣленія: въ Либавѣ, Двинскѣ и Рѣжидѣ.

JAVOL

ОБЩЕПРИЗНАННАЯ

ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ.

Генеральный представитель **Пров. С. БЛУМЪ,**
Рига, Церковная ул. 31.

Акц. О-во Мебельн. и паркетн. фабрики «КОМПЛЕКСЪ»

Улица Свободы 82. Телефонъ 92-67.

Быстрое исполненіе заказовъ по новѣйшимъ рисункамъ какъ своимъ, такъ и спеціальнымъ.
На складѣ: Салоны стиля Ампиръ, Рококке. Столовые, спальни и кабинеты.

Допускается разсрочка.

Chlorodont

Для зубовъ, запонки, смѣл:
Chlorodont употребляетъ!

Наилучшая англійская пшеничная мука и овсянная хлопья.

„MILLENIUM“

Главное мѣсто продажи у **К. А. БУШЪ** и **П. БАУМАНЪ,** Господская ул. 23.